

18+

Алексей Сабуров

МЕРТВЕЦЫ НЕ СТРАДАЮТ

Алексей Сабуров

Мертвецы не страдают

«Издательские решения»

Сабуров А.

Мертвецы не страдают / А. Сабуров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-513715-9

Конец XX века, провинциальный уральский промышленный город Березники. В это время в городе орудует безжалостный маньяк, который похищает, пытает и убивает людей. В один момент обычная жизнь несостоявшегося музыканта Андрея превращается в кошмар — он связан в логове убийцы, и пытка сейчас начнется. Кто похититель, и что им движет? Сможет ли Андрей победить в заведомо проигранной схватке? Читайте в жестком психологическом триллере «Мертвецы не страдают». Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-513715-9

© Сабуров А.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть первая	13
Глава 1	13
Глава 2	25
Глава 3	31
Глава 4	39
Часть вторая	50
Глава 5	50
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Мертвецы не страдают

Алексей Сабуров

Редактор Сергей Ким

Корректор Сергей Барханов

© Алексей Сабуров, 2021

ISBN 978-5-0051-3715-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Данная книга является художественным произведением, не пропагандирует и не призывает к употреблению наркотиков, алкоголя и сигарет. Книга содержит изобразительные описания противоправных действий, но такие описания являются художественным, образным, и творческим замыслом, не являются призывом к совершению запрещенных действий. Автор осуждает употребление наркотиков, алкоголя и сигарет.

Пролог

Все не случайно

I

Люба горько сожалела, что у нее такие длинные и красивые ноги. В восемнадцать она осознала, что мужчины не могут оставить их без внимания. Это чертовски льстило молоденькой девчонке. Казалось, все парни в городе стремились познакомиться с ней. Постоянно со всех сторон щелкали дверцы машин, приглашая девушку прокатиться или просто подвезти. Но, запуганная наставлениями матери, которая грозно вещала, что все они только и думают завалить ее на заднем сиденье и использовать по единственному известному им назначению, Люба как ошпаренная отпрыгивала от жадно разинутых ртов автомобилей. *Первые пару месяцев.*

Остановившаяся машина была прекрасна, словно выехала из девчоночьих снов, мерно шумя мощным двигателем. Затемненное стекло медленно опустилось, и за ним показалась голова молодого парня. Темные, коротко стриженные волосы, выразительные карие глаза. Он оглядел ее с ног до головы пронизывающим взглядом, от которого по телу Любы побежали мурашки, и спросил бархатистым голосом, чуть растягивая слова:

– Тебя подвезти?

«Это принц», – подумала она и, забыв о маминых предостережениях – Люба сама бы завалила его на заднее сиденье замечательной машины, – шагнула на проезжую часть, нагибаясь к окну, как проститутка, раскручивающая клиента.

Парня звали Игорь, он был владельцем какой-то торговой фирмы. Он рассказывал еще что-то, но Люба, завороженная бесшумно проносившимися в такт «Мумий Троллю» улицами, не запомнила больше ничего из их беседы.

– Утекай, – манерно пели динамики «Пионер», прошибая низкими частотами, и девушка, откинувшись на кожаное сиденье, уплывала в другое измерение, где скорость, музыка и присутствие рядом сильного молодого человека сливались в дурманящую наркотическую смесь, возбуждая и заставляя тело дрожать от желания.

Они катались, кружа по небольшому городу, весь вечер. Игорь снисходительно поглядывал на разомлевшее лицо Любы, переводя уже более заинтересованный взгляд на ее вздымающуюся грудь и голые коленки. Когда стемнело, он предложил заехать к нему на квартиру, выпить вина за знакомство, но Люба, неожиданно вспомнив маму, отказалась, сославшись на неотложные дела. Она вышла за квартал от дома, чтобы Игорь не узнал, где она живет, и дала ему неправильный номер телефона. Игорь полюбовался удаляющимися стройными ногами, просигналил новой знакомой и понесся вниз по улице в поисках более покладистых особ.

Первый эксперимент закончился для Любы удачно, и она, познав сладостный кайф скорости, решила не отказываться от предоставляющейся ей возможности использовать мужчин, ведь молодость так скоротечна. Еще лет пять-семь, и ее фигура расплывется, а ноги потеряют поразительную упругость и красоту. Тогда не наденешь мини-юбку, не боясь показаться дурой или свихнувшейся старухой, верящей в вечную молодость. И парни начнут катать девчонок помоложе. А с тобой будет возиться надоевший муж или рейсовый автобус.

Все шло удачно до середины сентября. Парни не переставали реагировать на открытые ляжки. Люба перезнакомилась с половиной автовладельцев города и даже заимела формального ухажера – Диму на «восьмерке», хотя иногда заезжал еще Виталик на БМВ. Виталик ей нравился больше, и Люба позволяла ему больше, чем Диме. Она даже пару раз оставалась у него, говоря матери, что ночует у подруги. Правда, до «этого» дело не дошло, но все двигалось в том направлении.

Начало сентября выдалось дождливым, заставив надеть джинсы, но разыгравшееся бабье лето позволило красавицам напоследок обнажить все свои прелести. Люба, подстегиваемая последней жарой, надела самую короткую юбку, почти не скрывающую трусики, и короткий топик без лифчика, так что напрягшиеся соски соблазнительно выступали через тонкую ткань. Ни Дима, ни Виталик не должны были заехать за ней, и Люба открыто радовалась этому. Ей хотелось в этот день чего-то необычного, нового, а двухмесячные друзья не соответствовали такому запросу души.

Через минуту после появления Любы на улице перед ней остановился серо-зеленый потрепанный «Форд», а из открытого окна высунулась бритая голова:

– Привет! – жизнерадостно сказал парень. – Как насчет прокатиться?

Его глаза нахально ощупывали Любу, мысленно снимая одежду, которая и так почти ничего не скрывала. Но девушке уже примелькались подобные масляные взгляды, и она не обратила никакого внимания и на этот. Ее больше привлек другой молодой человек, сидящий на переднем сиденье. Черты его лица скрадывались полусумраком салона, но даже так было видно, что он очень красив. И Люба, недолго думая, запрыгнула на заднее сиденье, скромно сжав ноги.

Машина тут же рванула с места. Тот, который красивее, повернулся к пассажирке, не поднимая темных очков, закрывающих глаза, и вальяжно представился:

– Саша.

– Люба, – ответила девушка, внимательно разглядывая повернувшегося парня. Он чем-то смахивал на Ван Дамма, только нос его был прямой, а не заканчивался здоровой шишкой, как у звезды боевиков.

Они поехали за город. Того, что был за рулем, звали Слава. Он напевал под нос какой-то навязчивый мотив и старался обогнать всякого, кто встречался на дороге. Причем, хотя Слава и не отрывался от руля, Любе показалось, что он смотрит куда-то мимо, словно усиленно пытается вспомнить сбежавшую мысль. В девушке все только вздрагивало от очередной опасной ситуации, которая, как ни странно, уносилась вдаль, не задевая их.

Саша же, похоже, интересовался только попутчицей. Люба ощущала его взгляд, прожигавший грудь через круглые затемненные стекла очков и ткань топака. Это одновременно зажигало ее и пугало. В Саше чувствовалась грубая сила, способная вырваться наружу, если потребуется добиваться желаемого.

Они остановились на зеленой полянке, которая спускалась к неширокой речке. Люба вылезла из «Форда» и, немного покачиваясь после получасовой гонки, пошла к блестящей в конце поляны воде. Парни чуть задержались в машине, сказав, что сейчас догонят.

Они появились через пять минут.

– Привет, деваха, – радостно завопил Слава, махая рукой, как мойщик окон.

Но Люба не разделила его веселья. Она замерла на месте, увидев глаза водителя «Форда». Они были остекленевшими и неживыми, как будто на девушку надвигался веселый, подвыпивший зомби. Пустой взгляд, казалось, проходил сквозь нее, не останавливаясь на соблазнительных сосках, вмиг затвердевших от испуга. Сзади Славу быстро нагонял Саша. Он не был похож на блаженного, как его приятель; наоборот, лицо парня было напряжено, как у его голливудского двойника в самый ответственный момент схватки. Люба не могла увидеть его глаз, скрытых черными очками, но поняла, что они такие же замороженные, как и у Славы. Оба молодых человека решительно надвигались на Любу и молчали.

Сознание девушки застопорилось. Она уже догадалась, что хотят от нее два оживших мертвеца на одиноком берегу неизвестной ей речки. Но вместо того, чтобы бежать, напрягая все силы, пытаться спастись от унижения, Люба застыла на месте. Мышцы размякли, не слушаясь, а в тишине, образовавшейся в мозгу, зачем-то зазвучала песенка «Мумий Тролля»: «В подворотне нас ждет маниак. Хочет нас посадить на крючок». За последние два месяца вла-

дивостокский певец стал ее кумиром, но в тот момент его голос показался пугающим, неуместным и тоскливым, словно он решился рассказать наконец своей фанатке, что жизнь, как и сварливая жена, требует большого терпения.

Первым на нее накинулся Саша. Он повалил ее на землю, одновременно яростно задирая короткую майку и обнажая грудь. Соски, как две готовые ко взлету боеголовки, невидяще уставились в небо. Саша зарычал, как зверь, от дикого желания. Его руки начали бешено мять открытую грудь, оставляя красные следы. Люба почувствовала, как растет давление между ее ног, точно грубый кулак все настойчивей тычется в ее заветное местечко.

«Красавицы давно лишились своих чар», – опять в голове всплыл «Мумий Тролль». И, стараясь уйти от ужаса происходящего, Люба сделала громче звук там, у себя внутри, и унеслась в музыку. Ей на мгновение показалось, что она лежит на своей кровати, отгородившись от мира наушниками, наполненными звуком, забыв о своих печалях. Но страшная боль заглушила музыку. Все внутренности трянуло, словно острый деревянный кол вошел между ног. Люба закричала, выпуская боль наружу. Она открыла глаза и увидела перед собой перекошенное лицо, ничуть не красивое. Очки свалились на землю, и на Любу смотрели расширенные черные зрачки, не отражающие ни одной, даже самой примитивной мысли. От Ван Дамма не осталось и следа. Скорее насильник был похож на облысевшую собаку, которая забыла обо всем на свете при виде потекшей сучки.

Саша, не останавливаясь, ударил ее кулаком по щеке:

– Заткнись, сука!

Эта боль была ничем по сравнению с раздирающей все внутри палкой. Стенки влагалища жгло, как будто бешеная кошка расцарапала их. И Люба не могла и не хотела останавливать свой крик. Он хоть чуть-чуть помогал ей отдалиться от боли, пожирающей ее тело.

– Заткни ее. Мне надоел этот крик! – услышала Люба откуда-то издалека, совсем забыв о существовании еще кого-то на этой поляне, кроме нее, боли и мрази, приносившей боль.

Мразь послушно заткнула рот жертве и ударила в живот. Но крик не исчез, он стал только чуть глуше, а нечеловеческое страдание слышалось в нем все так же, если даже не отчетливей. Тогда Саша начал методично избивать ее. Толчок внутри сопровождался ударом по почкам. Еще толчок – еще удар. Только тогда Люба поняла, что может потерять на солнечной полянке не только невинность, но и жизнь. Но ей уже было все равно. Боль лишила ее чувства самосохранения, запугала, нарисовала реальность и будущее только черными красками.

Но девушка замолчала, издавая тихие, отрешенные стоны. Не потому, что хотела жить. Смерть была даже привлекательней в тот момент. Просто адская боль утихла, оставив громкое чувство жжения и усталости. Парень, когда-то похожий на Ван Дамма, дико задергался, мерзко заблеял сквозь зубы, и Люба почувствовала, как на полыхающие внутри раны вылилась горячая раздражающая жидкость. Девушка подумала, что это конец, и облегченно расслабилась. Сознание сразу же унеслось далеко-далеко. Словно сквозь сон она слышала, как Саша испуганно вскрикнул:

– Черт! У меня весь член в крови, – но потом, когда до него дошло, чья это кровь, он с удовлетворением отметил: – Блин, девственницу зацепил, – и незлобно выматерился.

Когда к ней пристроился Слава и Люба ощутила его орудие в своих горящих внутренностях, она не могла понять, то ли ей было противно, то ли все равно. Она повернула голову в сторону реки и неотрывно смотрела на черную воду, которая задумчиво и тихо текла вдаль.

Вода как будто догадывалась, что скоро зима заставит ее остановиться, и мысленно готовила себя к этому. Река знала, что это только временная остановка. Ей было наплевать на дорогое для человечества время. Часы, дни и годы ничего не стоили ей по сравнению с отпущенной вечностью.

Спокойствие речки прокралось в Любу, превращая кричащую безысходность в поток утекающей жидкости, словно сжижая газ в низкотемпературном аппарате. С ней случилось

чудовищное, но теперь, когда самая пугающая чернота утекла, она не даст двум ублюдкам остановить себя. И пусть ей не дана вечность – ей тем более следует как-то продолжить жить.

Но Люба была не в силах представить, как можно жить дальше с душой, заплеванной ядовитыми слюнями. Девушка, не замечая того, заплакала, и ручейки слез прочертили грязные следы от потухших глаз.

– Ну что, ты едешь с нами? – голос, в котором боролись грубость и испуганное сочувствие, расколол лед вокруг сознания изнасилованной девушки.

Ничего не отвечая, Люба тяжело поднялась с земли, медленно натянула задранный до шеи футболку на грудь, опустила юбку, стараясь не смотреть в сторону Славы, который уже успел застегнуть джинсы и поправить рубашку. Каждое движение отдавалось ноющей болью в теле. Мышцы отказывались слушаться, и казалось, что все кости перемолоты электрической мясорубкой. Собрав все мужество, девушка нагнулась, подбирая разбросанные в стороны босоножки, и надела их на ноги. Терпения застегнуть ремешки не хватило. В песке, как скомканная бумажка, в которую когда-то была завернута еда, валялись белые трусики. Увидев их, Люба мгновенно отвернулась, не считаясь со всколыхнувшейся болью. Они олицетворяли собой все то, что произошло с веселой, беззаботной девчонкой. *Конец невинности.*

Пока трусики были на ней, можно было верить в сказки, принцев, удачу. Можно было беззаботно подпевать несшимся из колонок словам: «Все будет хорошо, а может, даже лучше». Сейчас уверенности в этом не было. Жизнь показала ей свою неприглядную изнанку. Теперь она как грецкий орех, в котором завелись черви: снаружи все так же аппетитно, а внутри уже одна переработанная каша.

Водила стоял в трех шагах, нервно крутя на пальце ключи от машины. Увидев, что Люба встала и готова ехать, он развернулся и молча пошел к «Форду». От бывшего веселого возбуждения не осталось и следа. Слава засунул руки в карманы и втянул широкие плечи. Казалось, что какой-то волшебник уменьшил его чуть ли не в два раза. Люба хмыкнула про себя и пошла следом.

Саша уже ждал в салоне автомобиля. Черные очки невозмутимо возвратились на лицо, скрывая взгляд. Он сразу же обернулся к испорченной им девственнице и грубо наехал, не скупясь в матюках. Люба слушала его вполуха, уже зная, о чем тот будет говорить.

Смысл вычлененных из потока мата слов сводился к одной фразе: «Заявишь – будет хуже и тебе, и твоей семье». Он для профилактики шлепнул ее по щеке открытой ладонью и отвернулся, включив погромче музыку. Затем рука Саши в поисках сигарет открыла бардачок. В нем на ворохе из всякой мелочи – пачек сигарет, зажигалки, записной книжки, прав, денег – лежал стеклянный шприц, угрожающе поблескивая тонким жалом. Теперь девушке стали понятны остекленевшие глаза насильников и их пятиминутное отсутствие. Пока она расслаблялась у речки, они успели чем-то вмазаться.

Бардачок мгновенно захлопнулся, и Люба увидела черные стекла очков, которые устави-лись на нее в зеркале заднего вида. Они снова прожигали насквозь, беря засыпающую боль. – Этого ты тоже не видела.

II

Люба не видела еще много чего. Неделю отлеживаясь после побоев, она боялась открыть глаза и увидеть перекошенную собачью морду в сантиметре от своего лица, вывалившийся язык, который лижет ее щеки.

В темноте закрытых глаз ей оставалось только думать о себе и о своем будущем. Представлять, как теперь одеться и выйти из дома навстречу миру, так ясно обнажившему свою подлинную суть.

Дима и Виталик вызывали в отчаявшейся девушке одно отвращение, и она грубо послала их подальше вместе с БМВ и «восьмерками». От чувства собственной виновности в случив-

шемся, которое неотступно преследовало ее, Люба дала себе слово не носить коротких юбок, не ездить со случайными людьми, не... Обещаний было слишком много, чтобы их все запомнить и выполнить. Как в случае с Богом, когда даешь ему обеты, чтобы получить какую-то милость, но впоследствии, когда подарок сверху не приходит, обиженно плюешь и на свои обязательства, так и Люба, почувствовав, что своими «не» она не изменит случившегося, не заглушит ужасное чувство униженности, стала брать обратно свои слова. В привычном образе бесшабашности и детской беспечности было легче смотреть как вперед, так и назад.

За зиму, лечившую морозами, длинными домашними вечерами, январскими праздниками, боль в сердце утихла, уменьшилась в размерах, как файл при архивировании. Вместе с ее исчезновением рушились провозглашенные табу. Последнее «не» сдалось в первый же жаркий день в начале мая.

Все девушки высыпали на улицу в коротеньких юбочках и выставили на обозрение стройные ноги, измученные за зиму отсутствием внимания. Люба видела, что умишки всех мужчин в тот день были заняты только нижней частью слабой половины человечества. Учеба и работа застопорились – вот когда началась настоящая весна! И она чувствовала себя в джинсах – словно вышла на пляж в шубе. Ей было невыносимо душно от отсутствия внимания, оттого, что жадные, возбужденные глаза глядят в другую сторону и из-за спины не раздастся гудок, говорящий, что ее заметили.

Поэтому последнее «не» пало. Ее ноги скинули монашеское одеяние и мини-юбкой рассказывали всем о неимоверной жажде жизни. И призывный гудок автомобиля радостно возвестил об этом. Люба обернулась, стараясь быть как можно более пластичной и завлекательной. Парень из десятой модели «Лады» помахал ей рукой. Жизнь продолжалась и возвращалась на свой обычный круг.

III

Круги шли у Любы перед глазами. Последний год жизни прошел перед ней, ярко высветившая события, приведшие ее сюда. Она теперь *понимала*, и от этого круги начинали раскручиваться, усыпляя сознание, унося в обморок. Ей становилось дурно, и из груди рвались истеричные слезы. Ей хотелось орать на себя, обзывать последней сукой, недоношенной падалью. *Понимание* выводило из себя.

Люба теперь точно знала, что существует что-то, отвечающее за всех людей, нечто более высокое и недоступное. И это что-то пыталось ее остановить. *Разорвать круг*. Повернуть в другом направлении.

Те парни в зеленом «Форде» пришли не из ниоткуда. Они ворвались в ее жизнь и безжалостно разрушили растущие стены ее нового стиля жизни не просто так, а по заранее определенному плану. Плану, который написал кто-то непостижимый. Люба назвала его – Бог, не видя смысла придумывать другое имя.

Бог был жесток. Но он был *милостив* в своей жестокости. Он показал ей пагубность ее поведения. И не просто показал, он четко доказал это, приводя весомые аргументы в виде деревянных дубин-членов, разрывающих все внутренности. Яснее не бывает.

Но она уцепилась своими глупенькими мозгами за то, что от молодости нужно взять все возможное, и не хотела обращать внимание на красный свет семафоров. Теперь ей хотелось выть от собственной глупости. Потому что умирать совсем не хотелось. *Круг снова замкнулся*, но уже на другом, более высоком уровне, опять отпустив ей лишь два месяца.

Он, похоже, не хотел насиловать ее, он хотел ее просто убить. Пронизывающие, но в то же время какие-то мертвые глаза этого человека тяжело смотрели на Любу. Она пыталась проникнуть в его мысли, но взгляд, который ничего не выражал, не давал возможности хоть за что-то зацепиться.

Девушка сидела на стуле, придвинутом к стене. Ее руки были привязаны крепкими веревками к железным крючьям, забитым высоко над ней. Блузка была расстегнута и раскрыта, обнажая грудь. Только расстегнул ее этот хмурый человек не для того, чтобы полюбоваться на розовые соски и помять крепкие сиськи. Он достал блестящий охотничий нож из ножен болтающихся на ремне джинсов и повертел перед ее глазами, чтобы посильнее напугать. А затем провел холодным лезвием под правой грудью, в месте, где она заканчивается, соединяясь с телом.

Не помнящая себя от боли и страха, Люба зашлась в истошном крике. Теплота разлилась по ее животу, и девушка не сразу поняла, что это ее кровь.

Не дожидаясь окончания крика, человек полоснул обжигающей сталью и вторую грудь. Люба не смогла усидеть на месте. Боль требовала что-нибудь сделать, но привязанные руки позволили только выгнуться, будто в диком экстазе. Точно странный человек за мгновение превратил ее в мазохистку, которая испытывает оргазм от каждой новой вспышки боли.

Он удовлетворенно отошел и оценивающе поглядел на судороги до смерти напуганной девушки.

Следующие часы, проведенные в этой комнате, покрашенной белой краской, без единого окна и поэтому напоминающей морг, прошли для Любы словно закутанные в саван. Она уносила в никуда, вызываемая обратно только новой болью, от которой кричала, плакала, выла, умоляла и снова погружалась в бредовое состояние.

Вокруг нее носились машины, улыбающиеся рожи парней, торчащие из окон автомобилей, ее длинные ноги, похоть, которая вдруг обрела зримые очертания напрягшегося члена. В промежутках, когда бред отпускал, воспаленный мозг начинал вспоминать, выдавая куски ее жизни, которые она видела со стороны, словно кто-то все время снимал ее скрытой камерой, а теперь прокручивал видео.

Во сне появился и этот человек. Ей нужно было доехать до подружки, но пользоваться услугами общественного транспорта страшно не хотелось. Любу просто ломало от толкотни, стервозных толстых теток и траты денег. Она, недолго думая, вышла на обочину и подняла руку. Рассматривая себя со стороны, Люба понимала, почему ни один полноценный мужчина не мог пролететь мимо.

Первая же проезжающая машина затормозила. Это было не весть какое чудо – «Жигули» какой-то начальной модели (ниже восьмой Люба не могла различить эти однообразные малолитражки). В ней сидел этот хмурый человек. Люба еще удивилась его пасмурному лицу, обычно ее воспринимают очень радостно и приветливо. На этом запись обрывалась, показывая далее рябь пустой кассеты.

Люба уже ничего не могла сообщить. Боль заполнила все ее существо. Боль была разная: свербящая, как в порезанных грудях, горячая – в сломанных пальцах, непонимающе острая – в том месте, где когда-то было ухо. Она не помнила отчего, но боль жила и в ногах, давя в коленях, не позволяя даже чуть-чуть двинуть ногой, просыпаясь от малейшего движения и вгрызаясь в плоть зубами тигра. Боль жила внизу живота, где вся юбка, бывшая когда-то бежевой, пропиталась кровью, приобретя густо-красный цвет. Боль оккупировала и лоб, начиная корябать когтями при попытке приоткрыть глаза, разбухшие от слез.

Поэтому Люба сидела в темноте, радуясь, когда реальность отступала под наваливающей дремой. Дрема становилась все сильнее и сильнее, все реже выпускала девушку из своих мягких объятий – и то только когда какой-нибудь кусочек тела взрывался от боли противотанковой миной.

Люба умирала. Силы быстро оставляли ее. Но когда ей удавалось вынырнуть из надвигающейся темноты, одна мысль сверлила мозг. Люба сожалела, что у нее длинные и красивые ноги и такая пустая голова, неспособная прислушаться к советам самого Бога. Она открыла глаза, чтобы в последний раз увидеть мир, где были смех, любовь, «Мумий Троль». Этот мир

она упустила в начале июля, когда было так жарко, что не хотелось ничего, кроме как залезть в воду и плавать до вечера, а ночью валяться голой, не укрываясь даже простыней, и игриво целоваться с таким же голым парнем.

Сейчас мир ограничивался маленькой белой комнатой, в которой находился молчаливый человек, от одного взгляда которого раскрывались раны и болели избитые места. Он больше походил на зверя, страшного зверя, каких не существует в природе: со свалывшейся грязной шерстью, белыми, блестящими, как нержавеющей сталь, клыками, красными горящими глазами.

Увидев, что глаза Любы открыты, Зверь встал со стула и подошел к ней, медленно доставая зловецкий охотничий нож. В глазах девушки все поплыло. Комната закрутилась бешеным кругом, но Люба еще успела почувствовать, прежде чем навсегда упасть в пугающую черную бездну, как грубая рука схватила ее за грудь. А затем белый огонь прочертил свой след через плоть, отнимая часть тела. Там, где прежде была правая грудь, запылал океан боли, поглотив в себя все надежды и желания девушки, которым уже не суждено было сбыться.

Левую грудь человек, не заслуживающий так называться, срезал уже с мертвого тела. Жертва повисла, удерживаемая веревками. Ее глаза были закрыты, но теперь две кровоточащие раны на груди с упреком уставились на него. Зверь удовлетворенно осмотрел неподвижное тело и закурил.

Часть первая

Неудачник утра

Глава 1

I

В Березниках накрапывал дождь. Приходилось с этим мириться. Последнее лето века заканчивалось, уступая место вечно недовольной чем-то осени, которая плакала по любому поводу и лишь изредка радовала хорошим, солнечным настроением. Низкие облака со всех сторон обложили просыпающийся город, не давая никому шанса улизнуть из западни дождя.

Через окно, испещренное мелкими каплями, Андрей смотрел на черный лес, татаро-монгольской бесчисленной ордой подступающий к городу. Лес начинался далеко внизу оврага, на краю которого стояла пятиэтажка, и упирался в узкую, полтора-два метра, речушку под названием Быгель. Он стоял единой темной глыбой, простираясь до горизонта, уверенный и неприступный, гордо подставляясь под косые полосы, прочерченные бескрайним дождем. Отсюда не было видно, но Андрей чувствовал, что каждое дерево, каждый кустик сильно продрогли от затянувшейся непогоды, но стойко терпели, не в силах что-либо изменить. Под окном грузная женщина выгуливала мокрого худого пуделя. Вернее, пудель прогуливался сам, а женщина застыла на месте, укрываясь зонтом, словно большой черный гриб. Но, видимо, и псу не нравилось на улице, так как он меланхолично сделал пару кругов вокруг хозяйки, быстро помочился и убежал в подъезд.

Похоже, это утро не радовало никого. Ирина обиженно заперлась в ванной и не выходила уже больше получаса. Андрею ничего не оставалось делать, как удрученно смотреть в окно и пытаться уйти от нервного напряжения случившейся ссоры. Он подумал, что сейчас неплохо выкурить сигарету.

Андрей не курил, просто ему казалось, что призрачный дым и ощущение в пальцах хрупкого невесомого предмета могут приглушить боль, причиненную близким человеком. Скорее всего, желание затянуться какими-нибудь LM было сгенерировано устойчивым стереотипом, навеянным сотнями фильмов и книг. В них хмурые герои прикуривали от шикарных зажигалок или отсыревших спичек и находили решение своих сложных проблем.

На деле курение не вызывало положительных эмоций, только неприятный вкус дыма и сильное желание прокашляться. Андрей пробовал закурить пару раз во время пьяных вечеринок, когда глубокая тишина подхватывает сонным голосом любой звук, выкинутый в окно, голову дурманит ощущение счастья и кажется, что только сигарета сможет насовсем связать тебя с ночным небом. Но даже тогда она оказывалась слишком горяча, чтобы отстраниться от мира, а дым наполнял легкие, глуша свежий призрачный запах ночи.

Было субботнее утро, но удовлетворенное настроение выходного дня как будто смыло этим дождем, льющим за стеклом. Желание курить пропало вместе с воспоминанием о пробных затяжках, а мысли неизменно возвращались к ссоре. В голове Андрея созрела теория.

Возможно, он не первый додумался до этого, но поссориться в выходной день было намного проще. Не нужно утром спешить, быстро запихивая в рот куски бутербродов, и обжигаться горячим кофе, так и не допив его, с ужасом увидев положение стрелок на циферблате. В выходной день с утра можно поднакопить желчи, дать хорошо побродить злости и не спеша, с расстановочкой выплеснуть эту гремучую смесь на своего друга, благо он еще

не муж и детьми не обременил. А потом запереться в ванной и злорадно корчить рожи зеркалу, представляя, как он придет просить прощения, и репетируя свое торжество.

Злость начинала кипеть и в Андрее. Вот что делают выходные. Останавливаешься после пятидневной скачки, и только когда картинки по сторонам перестают бешено мелькать, как на ярмарке, видишь тусклые цвета настоящего. Так что лучше не давать себе времени задумываться над жизнью. И если приходишь к своей девушке на ночь, лучше затрахать ее до изнеможения, чтобы она выла от блаженства и вырывала куски твоей кожи, не замечая ничего вокруг. Но предыдущая ночь прошла скверно. Это был полный провал.

Хотя он пришел к своей любимой, он не мог сосредоточиться на ней. В его голове ходило мысли: «Как я буду теперь жить? Кто я такой? Неужели это действительно все?» Он даже не смог заставить себя заняться сексом, хотя Ирина откровенно прижималась к нему и ласкала его тело. Луна озабоченно заглядывала в окно, и в ее свете Андрей видел лицо своей девушки, пытавшейся скрыть огорченное неудовлетворение, правда совсем безуспешно. Затем по подоконнику успокаивающе застучал дождь, и под его аккомпанемент, забыв обо всем, Андрей провалился в бездну сна без сновидений.

II

Пять лет псу под хвост. Так можно было бы назвать книгу о неудачнике. Книгу о нем. Сколько нужно человеку времени, чтобы понять, что цель, к которой он стремится, – только мираж? Сколько шишек нужно набить на глупой голове, чтобы понять, что сквозь некоторые стены нельзя проломиться? И все дело может даже заключаться не в стене, а в собственной голове. Андрею потребовалось пять лет и шесть месяцев.

Будучи еще студентом экономического факультета Пермского государственного университета, Андрей понял, что его влечет только музыка. Он шел с лекций, провожая безразличным взглядом «Мерседесы», управляемые людьми, большинство из которых даже не слышали об «Экономикс», и блаженно думал, что променял бы все эти побрякушки на одну возможность заниматься любимым делом. Что с ним и происходило.

Он сознательно отказался от получения образования. Конечно, будучи человеком осторожным, Андрей старательно посещал лекции и дождался вручения диплома, но на выходе из здания университета экономика вылетала из его головы, уступая место основной страсти. О дисконтировании доходов, стратегическом планировании, агрегированном балансе он не вспоминал до времени, когда массивные двери снова не впускали его в обитель знаний. Таким способом можно получить диплом (большинство так и делают), но стать высококлассным специалистом проблематично.

В его комнате в общежитии жили еще двое студентов из Березников. Один, так же как и Андрей, был смертельно болен рок-лихорадкой. Другой, напротив, закончил музыкальную школу и не переносил музыку на дух. В ней ему слышались часы, проведенные за отработкой гамм и упражнений на растяжку пальцев, зубрежка давно забытых произведений, в то время когда остальные ребята в классе после уроков валялись на диване и слушали «Ласковый май». Но, пообщавшись днями, а больше ночами со своими соседями и открыв Faith No More, Nirvana, Pearl Jam, он забыл видения о бесполезно проведенном детстве и тоже несся домой, не разбирая дороги, с новым альбомом Soundgarden в заднем кармане рюкзака. Парни выпадут в осадок!

К середине второго курса детские игры в преклонение закончились. Они втроем начали серьезно подумывать вступить в царство небожителей – ряды музыкантов. Если бы даже они знали тогда, сколько предстоит перелопатить околмузыкальных дел, выкинуть денег в черную дыру, называемую рок-группой, то, скорее всего, Женя сказал бы: «Ерунда, прорвемся». И, поставив погромче Smells Like Teen Spirit, они бы выбросили из головы все настораживающие

мысли типа: «А не заняться ли чем-нибудь попроще?» И все. Рок-музыка, несмотря на свои нервные песни, рождает безосновательный оптимизм. И отчетливую решимость. Жаль, что ее нельзя намазать на хлеб вместо масла. Впрочем, когда бутерброды оплачивают родители, мысль о жратве относится к разряду несущественных.

В юности кажется, что главное – единомышленники. Поэтому, несмотря на отсутствие инструментов, базы и ударника, все шло прекрасно. Дима, прозванный Бейрутом (почему – давно забылось), обладающий из-за усмешки судьбы музыкальным образованием и хорошей растяжкой пальцев, был назначен басистом. Женя непрерывно слушал в «ушах» гитарных героев и тут же ухватился за должность соло-гитариста. Андрей никогда не учился музыке, но по воле природы имел неплохой, заставляющий переживать голос и врожденный слух, так что ему была накатана дорога в вокалисты.

Группа родилась, пусть пока только в фантазиях ее участников. Когда в комнате на ночь отрубался свет, они не могли уснуть от предвкушения будущего успеха. В те бурлящие мечтами дни, словно общажная кухня тараканами, дать концерт казалось верхом счастья. Сам Андрей больше всего хотел покрасоваться на сцене, понырять щучкой в разгоряченную толпу, крикнуть в настоящий «шуровский» микрофон: «Fuck you!»

Пока это были только мечты, это было здорово. Они написали несколько песен, брэнча свои партии на шестиструнках Кунгурского завода деревянных инструментов, и азартно распевали их, доводя соседей слева до белого каления. Соседки справа крутили целыми днями «Рок-острова» и думали, что познали рок во всех его проявлениях. Они рассказывали про них всякие непотребные гадости, особенно после того, как Бейрут написал на двери женского туалета: «Лизаться с соседом не грешно». Девушки все воспринимают слишком буквально.

Отсчет пяти лет и шести месяцев Андрей начал с 25 января 1994 года – года, начавшегося сессионными экзаменами, после которых они с друзьями справили студенческий экватор. Два с половиной года отмотали, осталось ровно столько же. Именно в этот день состоялась первая настоящая репетиция группы Face Down. Они не поехали домой на каникулы. Они стали настоящей группой. С помещением, аппаратурой, инструментами и ударником. Только на этой репетиции Андрей глубоко вздохнул, осознав, что группа окончательно оформилась. Что не прошел даром тот год, когда они грузили ночами сырое, приторно пахнущее мясо, отпинывая слишком обнаглевших толстых крыс, а затем отсыпались на уроках; обили пороги сотни учреждений, за которыми сидели директора и директрисы с одинаковым выражением заинтересованного безразличия на озабоченных лицах. Этот год можно было бы с полным правом занести дополнительным участником в пятилетку, отправленную под хвост. По крайней мере, затрат энергии он потребовал не меньших, чем все остальные, полноправно вошедшие в число неудачных. Но справедливости ради следует отметить, что тот предшествующий музыке год, создавший ее, они долбились головами совсем в другую стену. С первой же репетиции, вызвавшей у всех бурю восторга, Андрей понял, что настоящая работа только начинается.

События развивались своим чередом и сначала не претендовали на попадание в книгу с пессимистичным названием. Скорее, книга о будущем открытии рок-сцены России могла бы называться «Вверх» или «Годы до прорыва»; по крайней мере, Женя не забывал каждый день говорить им, чтобы они запоминали все события, происходящие с группой, – потом пригодится для интервью. К концу года на Face Down рекой полились первые в их жизни события: первый концерт, первые аплодисменты, первые поклонницы. Вот только первые деньги все никак не приходили.

Face Down уже была одной из первых групп Перми, уже отгромыхала на общероссийском фестивале в Кунгуре и записала демोकассету, после чего скоростно развалилась. Музыка все так же только жрала деньги, словно первый паровоз топливо – с почти нулевым коэффициентом полезного действия. Что из того, что Андрея узнавала в лицо небольшая группка неформалов, по телевизору-то крутили «Руки вверх». Срок обучения березниковской тройки

закончился. Родители благополучно сбыли своих сыновей на гигантские химические заводы Березников, где те затерялись среди людей, одержимых весь рабочий день лишь одной идеей – свалить домой.

Но после смены три товарища не терялись в тоске жующих вечер сериалов, а продолжили в Березниках начатое в Перми. Новая база, новый барабанщик, но старое, когда-то обнадеживающее, а теперь оставляющее чувство глупой упертости название, к тому же начинающее оправдываться. Путь наверх был так же далек, как и три года назад.

Через год, когда вновь ни одна из рекорд-фирм ничего не ответила на разосланные кассеты, песня «Аста ла виста», прокрученная несколько раз на местном отделении «Радио Максимум», канула в никуда, а на последний концерт группы в пермском «Рок-кафе» пришло двадцать человек, Андрей додумался до противной ему мысли. Она звучала до невозможного просто и умиротворяюще. Эта мысль позволяла не спешить, не волноваться, не тратить драгоценное послерабочее время, когда так хочется забыть обо всех «надо» до утреннего звонка будильника:

«Давай бросим к черту все эти долбанные попытки пробить непробиваемую стену и начнем жить как люди. Самые обыкновенные и счастливые этим люди».

Он тут же отмел ее в сторону. Андрей насмотрелся, как живут эти счастливые люди. И их вид не зажигал в нем зависти. Мелкие мыслишки и мелкие желания. Купить квартиру, купить машину и съездить за границу. Жизнь превращается в скрытую игру «Обмани начальство, что ты работаешь», а события, о которых можно вспомнить через неделю, случаются реже, чем в самом вялом и затянутом, безнадежно глупом сериале. Да и вся жизнь напоминает скучнейшую мыльную оперу, только без счастливой развязки. У Андрея хотя бы была своя мечта, далекая, как звезда. Он отделался от мысли стать обывателем.

Но он не выкинул ее в мусоропровод, не сжег, как тайную корреспонденцию, – просто выбросил на обочину, где та зарылась в почву в надежде когда-нибудь дать всходы. Она незаметно проросла, отмечая свои успехи его раздражительностью, усталостью и ленью, временами просыпавшимися в голове вокалиста группы, в которой медленно созревало мнение про *годы, выкинутые на свалку*.

Вбухнутые в безнадежное мероприятие. Россия слушала «ДДТ», «Мумий Тролля», «Чайф», даже Tequilajazzz, но не хотела принимать Face Down. Если быть честным, то все вышеперечисленные удачные группы были скорее исключением из правил в стране, окутанной попсово-ресторанным угаром. А исключений не может быть много, иначе придется переписывать правило. (Боссы шоу-бизнеса на редкость консервативны: побольше оголенных девочек и навязчивых припевов.)

Мысль умиротворенно закончить карьеру музыканта прочно вцепилась в сознание Андрея. Она подготовила плацдарм для рождения решения, и Андрею не показалось странным, что оно появилось вдруг разом, в один день.

Ничего не предвещал этот почти праздничный день, когда в офис по факсу приходят новогодние открытки, а любой деловой разговор заканчивается «С наступающим!» вместо прощания. Но именно в такие дни, когда никак не ждешь ударов судьбы, случаются все плохие вещи.

Для начала на Андрея накричал начальник. Просто так, не разобравшись в ситуации. Совершенно безосновательно. Именно это и сводит с ума. Ты обязан раз сто все взвесить, прежде чем предъявить свои законные претензии начальству, чтобы не получить обратный удар бумеранга. А перед вышестоящим должен стоять навтыжку и смиренно сносить любые упреки. Возражения рекомендуется засунуть себе подальше, если хочешь сохранить нормальные отношения и рабочее место. Ты обязан знать лучше начальства, что оно всегда право.

Когда босс скрылся в своем кабинете, на глаза Андрея от обиды навернулись крупные слезы. Но он даже не заметил их, потому что поразились мыслям, которые автоматически, без его ведома высветились на табло мозга.

«Дай мне бог, дослужусь до высокого места – отыграюсь».

Дедовщина просто какая-то. Никогда он не думал таким образом. *Никогда!* Обычно Андрей беспечно забывал обиду, усмехаясь про себя, что уже скоро будет плевать на все начальство с экранов их дорогих телевизоров. Может быть, даже их дети будут слушать его музыку в наушниках плееров последней модели. Но не занять высокое место! Нет!

И до Андрея дошло, что жизнь берет свое. Он постепенно растворяется в кислоте, называемой бытом. Сделать карьеру на родном заводе казалось уже почти таким же привлекательным, как и в шоу-бизнесе. Получать приличные деньги, на полную катушку использовать служебное положение и срывать на подчиненных плохое настроение. Жить в радость.

Он испугался. Без месяца все пять лет он твердил себе: «Я – музыкант. Это моя судьба и жизнь. Без музыки не стоит и дышать». А теперь осторожно менял ориентиры. Так аккуратно, что не замечал сам. В этот же день пришел час второго удара.

В «Российской газете», которую выписывал завод для своих работников, сослуживец Андрея выкопал тест и хитро предложил пройти. Андрей заглянул в газету и нашел его название: *«Насколько вы оригинально мыслите»*. Прямой удар в самолюбие, так как Андрей считал, что именно он мыслит оригинально и свежо.

Тест состоял всего из трех вопросов, на которые полагалось ответить быстро, без запинки – первое, что придет на ум. Трех самых простых вопросов: «Назовите великого русского поэта, часть лица и фрукт». После вопросов на обороте страницы были написаны три эталонных ответа, назвав которые вы могли подвергнуть сомнению оригинальность вашего мышления. А для Андрея это значило, что, ответив так же, он будет просто стандартом, серой мышью, серийным человеком.

Так вот, он угадал все три. *Пушкин, нос, яблоко*. Три слова, похожие на приговор. Приговор его к негодности исполнять роль идола, приговор к поиску занятия, требующего стандартного сознания. Приговор послать все безнадежные мечты на три буквы.

Андрей пришел вечером домой, опустошенный изменой своего сознания, уже не чувствуя себя отличным от других и заслуживающим другой доли. Он поставил «Реквием» Моцарта и понял, что даже близко никогда не станет таким же великим, как этот австрийский композитор. До него наконец дошло, что он ничтожество. Что если за пять мучительных, выжимающих все соки лет он не добился ничего, кроме возникающих время от времени суицидальных желаний, то и за оставшиеся двадцать пять прорыва не произойдет. Он окончательно понял, что пять лет пошли псу под хвост. И только огромная, всеми передрыгами проверенная дружба заставляла его приходить на репетиции до вчерашнего дня. Пять лет, шесть месяцев и восемнадцать дней. Рок-н-ролл мертв.

Вчера он рассказал своим друзьям о том, что покидает группу. Они даже не удивились. Они подумали, что все из-за Ирины. В мае Андрей познакомился с этой девушкой и уже несколько месяцев пропадал с ней, забыв о музыке, друзьях, их планах и концертах. Его приходилось силком вытаскивать на репетиции, он пропускал их тусовки и движухи, придумывая неудачные отмазки. В рок-музыке главное – страсть; если музыкант не живет музыкой, это слышно всем. Но они были правы лишь отчасти.

Андрей влюбился и потерял голову от вожделения. Но страсть к музыке утихла не поэтому, а от безысходного болота реальности, в котором вязли все попытки жить своей мечтой. Любовь усугубила это, она посадила ростки обычного человеческого счастья, которому не нужны толпы фанатов и долгие музыкальные туры, для которого достаточно лишь быть с одним человеком. Быть вместе.

III

– Уже уходишь? – спросила Ирина, протирая глаза, жаждущие продолжения сна.

Андрей сидел на кровати, свесив ноги, и натягивал носок. Часы на тумбочке показывали без пяти девять.

– Куда?

Он не любил таких вопросов. Они заставляли его сжиматься внутри, занимая оборонительную стойку. Он свободный человек. Почему кто-то придумал, что если ты спишь с женщиной, то она имеет право знать о тебе все: что ты делаешь, о чем думаешь.

– По делам, – буркнул Андрей. Хранитель секретов одобрительно отозвался внутри.

– Всегда ты так: прибегаешь когда хочешь, убегаешь тут же. А я не знаю. Сiju одна, как дура набитая. Где ты там ходишь? С кем? Думаешь, вот так просто...

Поток слов понесся комом со снежной вершины, обрастая все новыми обидами. Андрей повернулся к своей девушке, пытаясь что-то возразить, но увидел, что лицо ее стало мрачнеть с каждой секундой, становясь похожим на небо за окном. Дойдя до нужного состояния злости, чтобы набраться смелости, Ирина, отчаянно глядя прямо в глаза своему другу, спросила:

– Как ее зовут?

Все желание успокоить подружку тут же пропало. Несправедливые обвинения, на которые не знаешь как и ответить, выбивали Андрея из седла, словно точный удар копья. На сознание накатила волна, пронизывающая желанием сорваться и закричать: «Да как ты можешь, дура?!» – резко встать и громко хлопнуть дверью, оставив ее одну разбираться со странными подозрениями. Ведь никогда, даже в мыслях, Андрей не изменял своей ненаглядной. Теперь глядеть на нее не хотелось, и он, с трудом не отводя глаз от жесткого взгляда Ирины, как можно спокойнее произнес:

– Да что ты такое говоришь? Разве ты так не веришь мне? Не веришь моим словам, которые я шепчу, крепко обняв тебя, что ты одна нужна мне? Не веришь в мою любовь?

Самолюбие Андрея резко заныло, как верный адвокат, который не сомневается в ущемлении прав своего клиента. Действительно, это она обижает его недопустимыми намеками, а ему приходится оправдываться, говорить о любви и верности. Это она является разрушителем спокойствия, а он вынужден собирать в себе силы, чтобы искать пути примирения, поправ свою гордость.

– Слова, только слова... – Ирина не хотела ни успокаиваться, ни принимать во внимание попытки примирения. – Ты уходишь рано утром, стараешься меня не разбудить, как мелкий воришка, боишься сказать – зачем и куда. А вечером? Пришел усталый, никакого желания согреть меня своей силой, сотворить что-то потрясающее в постели. Совсем не радостные и счастливые мысли начинают плодиться, как мыши... Такие серенькие неприметные мысли. И они начинают бегать во мне, спать не дают. Шуршат про то, что я тебе не нужна, изменяешь мне...

Андрей понял, что она может говорить так до бесконечности, растягивая одну мысль, которая умещается в простенькой фразе: «Я тебе не верю». Для него самого понятия любви и веры совмещались в одно. Андрей не мог представить себе, как можно не доверять любимому человеку. Он просто не мог так любить. Поэтому в девятнадцать он ушел от Тани.

Друзья подумали тогда, что он дурак. Он встречался с Таней полтора года, и все шло отлично. Андрей и сейчас не мог забыть, как она смеется. Ее брови поднимались вверх, делая глаза большими-большими, полными детского удивления, а через секунду Танюшка взрывалась залившимся смехом, увлекающим за собой. Они могли часами валяться на кровати и хохотать, глядя друг на друга. Этой идиллии мешало только одно чувство. В Андрее будто сидел маленький колокольчик, который начинал настороженно звонить, когда Таня уходила. Слушая

его позывы, он сотни раз срывался с места и ехал без приглашения к девушке, боясь и как будто надеясь застать ее с кем-нибудь. То ли с Толиком, а то и с лучшим своим другом Женей.

Покой ушел, и вместо удовлетворения и счастья любовь стала приносить только ноющую в сердце боль. И Андрей, не сумев преодолеть ревность, постыдно бежал, так и не представив Танюшке ни одной внятной причины своего поступка.

Теперь происходило все наоборот, и от непонятого раздражения Андрею не хотелось ничего предпринимать и доказывать. Он просто спокойно одевался и вполуха слушал Ирину, стараясь пропустить больше, чем услышать, точно она была диктором новостей в телевизоре.

Ирина увидела его безразличие, вскочила, сразу же накинув на голое тело махровый халат.

– Ты не хочешь мне отвечать – значит, я права! – закричала она на него. – Права! Можешь катиться куда хочешь. Убирайся.

Борясь с собой, Андрей отложил свитер, который собирался надеть, и снова повернулся к обиженной девушке:

– Ну нет у меня никого, кроме тебя. Нет. Поверь мне.

Но Ирина увидела, с какой неохотой выскальзывали слова из его рта. Она обиженно закрыла лицо руками и бросилась из комнаты. Андрей кинулся наперерез и крепко схватил ее. Ирина билась в истерике, вырывалась, стуча кулаками по груди парня.

– Отпусти! Отпусти меня! – кричала она полугрозно, полуумоляюще.

– Нет! Не отпускаю, пока ты не успокоишься и не поймешь, что у меня только ты одна.

Андрей чувствовал свое превосходство в том, что девушка плачет из-за него. Эта власть, вызванная тем, что Ирина ревнует, а значит, боится потерять, подначивала самолюбие. «Нет проблем, – говорило оно. – Если ты заставляешь ее плакать, значит, враз можешь и успокоить. Как прирученную обезьянку, собаку Павлова». И Андрей принялся успокаивать расстроенную подругу:

– Ну не плачь, маленькая. Все хорошо. Все же хорошо. Напридумала себе всякой мути, аж голова идет кругом. Не стыдно? Такая большая девочка, а забиваешь себе голову всякой ерундой.

Но Ирина доказала, что она не обезьянка на веревочке. В словах Андрея светилось удовлетворение этой ситуацией. Роль рыцаря, утешающего обиженную девочку, явно пришлась ему по вкусу. И это отражалось в слишком фальшивых интонациях его слов.

Девушка не поверила ему. Она перестала вырываться и замолчала, опустив голову. Все слова разбивались о ее неприступность, как тарелки об пол во время ссоры. Ирина могла стоять так час, не говоря ни слова, не давая повода к примирению. И Андрей услышал, как его речь пустым эхом возвращается обратно, рассвирепел и, отпустив возлюбленную, которая превратилась в ледяную глыбу, с размаху упал на кровать. Ирина сразу же, не поворачиваясь, быстрым шагом ушла в ванную. Клацнула защелка, отгородив молодых людей друг от друга, хотя они и так были разъединены железными дверьми личных амбиций и злости.

Андрей, повалившись пять минут, встал, натянул свитер и подошел к окну. Погода как никогда соответствовала его настроению. Шел дождь – мелкий, по-настоящему осенний, даже не думающий когда-нибудь закончиться. Что же делать теперь?

Ждать, когда она выйдет из ванной? Андрей представил себе холодное, надменное лицо Ирины, ее глаза, избегающие встречи с ним. Он помнил, как, поссорившись, она целый день могла не замечать его, как будто он вдруг становился человеком-невидимкой. Он представил чуть выпяченные вперед ее губки, которые делали брезгливым лицо. Если честно, признался себе Андрей, он больше не хотел видеть ее такой. *Ни разу*. Если для этого нужно уйти, то пусть будет так. Конечно, любовь – это ответственность и прощение, но почему прощать всегда должен он? Почему он должен ходить перед ней на задних лапках и брать на себя весь бесполезный груз ответственности за ссору?

В ванной заработал душ, а в комнате было холодно – уличная мерзость через все щели лезла в квартиру. Андрей отвернулся от окна и медленным взглядом окинул комнату. Напротив, в углу – незаправленная кровать, перед ней тумбочка с магнитолой «Филипс» и стопкой компакт-дисков. По левую сторону, вдоль стены, стоял шкаф, а по правую – еще одна тумбочка с 14-дюймовым «Самсунгом». У окна – письменный стол с раскрытой книгой, перевернутой к полированной поверхности стола. Это была «Триумфальная арка» Ремарка. Именно Андрей как-то подсунил Ирине своих любимых «Трех товарищей», и, видимо, не зря, раз ей захотелось прочитать еще что-нибудь этого автора.

Сердце защемило – до того знакомой и близкой была эта комната и столько было связано с ней за последний год. Воспоминания обрушились теплым летним ливнем, смывая грязь последней ссоры. Но, словно зонтик над головой, перед Андреем всплыло ледяное лицо Ирины, и ему стало так нехорошо, что он решительно пересек комнату, мрачно надел куртку и ботинки, взял свою кожаную сумочку с документами и ключами и отстегнул от связки длинный ключ от замка ее квартиры. Он повертел его в руках с чувством, что растает с драгоценной вещью в каком-нибудь ломбарде, и повесил на гвоздик для ключей. Этот гвоздь он сам когда-то и вбил в стену прихожей. Затем Андрей отодвинул громыхнувшие засовы и, не оглядываясь, вышел на лестничную площадку. Замок за спиной гулко хлопнул, и Андрей бегом спустился с лестницы, боясь передумать и запутаться в себе еще больше.

IV

Машина не заводилась. Похоже, это утро решило поставить рекорд по количеству неудач и истраченных нервов. Андрей зло ударил обеими ладонями по рулю.

– Чертова кляча!

Он снова вспомнил про сигареты. Хорошо, что их не было под рукой – в такой день можно было и приобрести эту вредную привычку. Он откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза. По крыше мерно и успокаивающе стучали капли. Андрей представил себе, как он копается в машине под холодным промозглым дождем, и поморщился. Он снова начал поворачивать ключ в зажигании, но умерший двигатель не отзывался. Вот вся сущность подержанных машин, в которых ты не копался, не разбирал, не знаешь ее болячек и рецептов излечения. В принципе, все они уже хронически больны и лишь первые пару месяцев после продажи хорохорятся, как молодые. Но потом быстро сдают, открывая одну неисправность за другой.

Андрей знал об этом, но, покупая эту «пятерку», как и многие другие, надеялся, что его пронесет. Добрая сказка автомобилистов, что купил за пять мультав и уже пять лет ездю – только масло меняю, при покупке казалась вполне реальной. Но найти конфетку в куче дерьма не так просто. А если учитывать, что у Андрея это была первая попытка, то не приходилось сомневаться, что дерьмо в красивой обертке ему было обеспечено. Вот и начало что-то попахивать.

Андрей вылез из машины, заглянул под капот, проверил свечи, проводку и не заметил никаких отклонений. Он снова бухнулся на сиденье и попробовал завестись. Результат был прежний. Посмотрев на часы, неудачник утра понял, что опаздывает.

Только сейчас до Андрея дошло, что теперь, наверное, можно не спешить. Он еще раз глубоко задумался, анализируя сложившуюся ситуацию.

Его ждал Женька. Они вместе собирались в эти выходные поработать у какого-то мужика. Это был Женькин знакомый, который строил гараж. Требовалось в выходные попыжиться, потаскать кирпичи и цемент и в воскресенье вечером получить тысячу рублей на двоих. Не ахти какие деньги, но за два дня работы нормальные.

Когда Женька предложил ему поднапрячься, Андрей думал было отказаться, но в конце концов согласился. Он вспомнил, что через неделю Иринин день рождения, а денег на подарок

наплакал даже не кот, а кто-то еще менее слезливый. Андрей знал, что его девушка заглядывается на большого игрушечного мишку, лопоухого, как заяц, но очень доброго и смешного, и решил, что счастливая улыбка на лице Ириши стоит пары дней рабского труда. Поэтому он думал устроить сюрприз и не собирался говорить подружке, где будет пропадать два дня.

Что ж, сюрприз получился, причем совершенно бесплатный, и ехать теперь вроде как и не нужно. Но договор, как говорится, дороже денег, и, устав от размышлений, Андрей решил пустить все на самотек, вылез из «жигуленка» и пошел к дороге.

Время уже было тридцать пять минут десятого. Женька там уже, наверное, изнывает, подумал Андрей, ведь договаривались в половину. Ничего не оставалось делать, как ловить попутку. Андрей, хлюпая по лужам, быстро поднимался к дороге. Вокруг не было ни души, как будто город вымер.

В выходные на улицах всегда было меньше людей, чем в будни. С вечера в пятницу дороги заполняли тысячи машин разных марок, унося своих владельцев и их семьи в сады – копать в земле и навозе, выращивая помидоры, огурцы, кабачки и прочую еду.

Женька говорил, что они выжили из мозгов. Пять дней вкалывают на заводах, а потом для полного счастья гнут спину на своих огородах. Чертовы трудоголики. Он называл их садистами от слова «сад».

Андрей считал по-другому: просто им нечем заняться. Не будешь же все выходные валяться, уставившись в телевизор, этот ящик и по вечерам достает. А на другое их мозги не способны. Нужно ведь что-то придумывать, чтобы дни не казались скучно-пустыми, а на это уже сил не хватает. Проще же, когда все расписано, как в школьном дневнике: с понедельника по пятницу я с утра до вечера на работе, ну а в выходные – на любимом садовом участке. Жалко, зимой нельзя туда поехать. Надо было бы гнать сегодня в сад, они бы с Ириной не ссорились, а дружно бы перекапывали какую-нибудь грядку.

Размышляя так, он добрался до улицы и встал на обочине. Движение тоже не отличалось оживленностью. За пять минут, словно баржа, рассекая воду пополам, проплыл грузовик, а затем, как два катерка, прошмыгнули «семерка» и «Ока», разметаая в стороны грязные брызги, от которых Андрей еле отскочил.

На поднятую руку никто не отреагировал. Водитель «Оки», проезжая, поднял плечи и кивнул головой в сторону сидевшей рядом женщины, мол: «Я бы подвез тебя, приятель, но моя так не любит посторонних в машине». Андрей не обиделся на него, понимая, какую канитель надо разводиться, чтобы посадить его на заднее сиденье, – жене придется, несомненно, промокнуть.

Мужчина же за рулем белой «семерки» так напряженно уставился вперед, боясь показать, что увидел просьбу подвезти, что стал похож на пилота истребителя в самый решающий момент воздушного боя. Андрей только ухмыльнулся его судорожным попыткам обеспечить себе алиби перед совестью: «Да вроде никого я не заметил».

Дождь хоть и был мелкий, но Андрей почувствовал, что начал промокать и скоро превратится в мокрую курицу, да к тому же никуда не успеет. Придется просить у хозяина доплату за вредные условия труда, если он все-таки доберется сегодня.

В это время вдаль показалась еще одна машина. Молодой человек внутренне подобрался, заранее поднимая руку, чтобы, не дай бог, не упустить и этот шанс. Он еще не видел, что это за автомобиль и сколько внутри людей, и поэтому жадно всматривался через скрадывающий реальные черты дождь.

Первое, что Андрей рассмотрел, – это модель автомобиля. Спокойно, явно не превышая скорости, к нему приближалась «копейка» – первая модель «Жигулей». Вначале ему показалось, что она серого цвета, но потом Андрей понял, что машина голубая, и только тусклый свет наступающего дня производил с ней подобную метаморфозу.

Автомобиль все приближался, и уже было видно, что на переднем пассажирском сиденье никого нет, и хотя нельзя было разглядеть, что там сзади, шансы уехать увеличивались. Андрею показалось, что скорость стала уменьшаться. Это происходило на самом деле, и «копейка», осторожно, не брызгаясь, подкатила прямо к голосующему и остановилась так, что Андрей оказался в метре от переднего пассажирского места.

В машине, кроме водителя, никого не было. Он вытянулся через пассажирское сиденье и распахнул дверь.

– Залазь живее. Погода мерзопакостная.

Голос водителя «жучки» был похож на механический. Так мог бы говорить терминатор. Никаких эмоций – ни сочувствия, ни раздражения, ни спешки не проглядывало в кинутой Андрею фразе. Даже у безразличия есть свои отличительные черты. Но задумываться над этим не было желания, и, радуясь, что наконец он сейчас уберется с промозглой улицы, Андрей, ступив одной ногой в лужу перед открытой дверью, быстро юркнул в теплый салон.

В нос сразу ударил крепкий запах бензина, как будто владелец вместо воды каждый день моет свою любимицу бензинчиком, чтобы лучше бегала.

– Ты что, бензин где-то пролил? – сразу спросил Андрей, поворачиваясь к водителю.

Это был мужчина лет тридцати. Кожа на лице была неровная, с пригорками и выбоинками, словно после оспы. Над серыми, как-то пристально вглядывающимися глазами, словно тучи, нависали густые черные брови, которые казались странными при поредевших волосах на голове.

– Да я бензин закупил. Цены опять растут. Весь багажник заставил, вон одну канистру пришлось на заднее сиденье кинуть.

Когда он говорил, рот поблескивал двумя передними железными зубами, из-за которых создавался небольшой дефект речи – сразу слышимая невнятность. К тому же голос оставался все тем же монотонным, словно мужчина отвечал неинтересный, вызубренный урок.

Андрей оглянулся. Действительно, на заднем сиденье стояла двадцатилитровая канистра, которая была изрядно полита пролитым бензином.

Водитель, отвернувшись от пассажира, переключил скорость и плавно тронулся вперед. Во всех его действиях чувствовалось спокойствие, с каким у Андрея ассоциировались застойные советские годы. Чертик из разноцветных капельниц, болтавшийся на зеркале заднего вида, тоже напомнил восьмидесятые, когда его можно было увидеть во многих машинах. Затем их сменили изображения голых женщин, за которыми они с Женькой жадно охотились как раз в пору своего стремительного сексуального развития. Сейчас, в конце девяностых, все были кто во что горазд, но, как казалось Андрею, тема номер один под передним стеклом автомобиля – это искрящийся даже без солнца компакт-диск. Он и сам повесил себе такой, после того как случайно купил какой-то ерундовый сборник.

Чертик смешно кувыркнулся от выбоины на дороге, и водитель, переехав ее, повернулся к пассажиру:

– Тебе куда?

– До Дворца Ленина за двадцатку? – полувопросительно ответил Андрей, ожидая, что скажет мужчина за рулем.

Тот нахмурил лоб, словно вспоминая, куда же ему самому надо, и ответил:

– Потянет.

Мужчина был явно неразговорчив, но Андрей тоже не горел желанием поболтать. Еще часа не прошло, как с ним произошли такие крутые события, что следовало хоть чуть-чуть пошевелить мозгами. Он ушел от Ирины или нет? Глупый вопрос. Не помирился, оставил ключ и не думает ее видеть ближайшие два дня. Затем надо будет забрать свои вещи, тогда все будет кончено навсегда. Прекрасный жизненный поворот.

Они ехали минут пять. За окном пробежали магазин «Новинка», строительный техникум, кинотеатр «Мелодия». Дождь не прекращался, и дворники уныло сметали капли с переднего стекла. Людей на улицах было немного, словно эпидемия чумы выкосила большую часть населения. Андрей понимал тех, кто в субботнее утро не спешит выбежать из-под теплого одеяла в серый холод улиц.

Проезжая кинотеатр, Андрей почувствовал, что его голова как будто наполнилась грязной водой. Она потяжелела, как помойное ведро после генеральной уборки, а внутри создавалась такая мешанина из мыслей, желаний и медицинской ваты, что невозможно было думать дальше. Скорее всего, это происходило из-за токсичных паров бензина. Привыкший уже было к запаху в машине, Андрей почувствовал, что его сейчас вытошнит. Все-таки у каждого человека есть свои границы. Например, Андрей может нюхать бензин в течение пяти минут, до того как проглоченная пища запросится наружу. «Странно, – подумал он, – что же я выблюю, если завтрака еще не было?»

Оставалось продержаться еще минуты три, и можно будет выскочить на свежий воздух. Андрей старался дышать неглубоко, пытаясь не думать о бензине. Но, как всегда бывает, мозг бессознательно сосредоточился на запахе, господствующем в машине. Теперь Андрею показалось, что к аромату бензина примешивается еще какой-то, не менее резкий запах. Возможно, он был с самого начала, просто более привычный бензин скрадывал его. Теперь голова начала кружиться, как аттракцион «Орбита» в парке развлечений и отдыха. Они как раз проезжали лесной массив, где располагался этот парк. Лес был по левую руку, а справа рядом выстроились здания профессиональных училищ, которые еще не закончили свои летние каникулы.

Андрей, с трудом контролируя себя, потянулся к ручке, открывающей окно автомобиля, вспомнив о ее существовании. Водитель, уловив движение, посмотрел на своего пассажира.

– Да ты совсем белый. Подожди, сейчас остановлюсь, подышишь воздухом, а не то блеванешь тут у меня.

И он начал медленно останавливаться, прижимаясь к обочине. Не успел он еще остановиться совсем, как окликнул парня своим тусклым голосом:

– Эй.

Андрей непроизвольно обернулся к нему. То, что произошло дальше, было похоже на замедленный, но в то же время в секунду пролетающий сон. Молодой человек увидел, как на него, словно издали, рассекая тысячи галактик, несется рука. Он не успевал рассмотреть, что было зажато в ней. Что-то белое, родившее в голове тысячи образов ослепительно белого цвета: гипс, первоклассная бумага, бинты и вата, снег... Андрей просто не успел осознать происходящее, как ослепительная белизна прижалась к его лицу закрывая рот, нос, даже залепив один глаз. Голова качнулась от мощного удара, прижимаясь к спинке сиденья, а в нос ударил резкий запах – именно тот, который осторожно, словно шепча страшную тайну, примешивался к аромату бензина.

Андрей попытался отодрать голову, прилепившуюся к сиденью, но попытка оказалась слабее руки водителя. Вата – это именно она оказалась белой вспышкой, врезавшейся в лицо, – душила, не давая доступа воздуху. Неизвестный запах наполнял тело, превращался во что-то физическое и осязаемое. Он просачивался в кровь и как будто замораживал, останавливал ее. Андрей попытался поднять руку, чтобы защититься от нападения, но она превратилась в стокилограммовую штангу и даже не шелохнулась.

Сознание закрутилось воронкой, словно всасывалось в спуск раковины, и стало уходить вниз. Андрей посмотрел под себя и не увидел там ничего, кроме пугающей черной пустоты. Кресло, машина, земля исчезли, и он не мог понять, каким образом это произошло. В голове точно обвал начался. Мысли, заледенев, как тяжелые сосульки, падали и разбивались вдребезги, раня острыми, как иглы, осколками.

Наконец сознание стало тухнуть, как убыстренный закат, и Андрей все быстрее и быстрее начал проваливаться в окружавшую его бездну. Он падал в бесконечный колодец, и блюдце света наверху, уменьшаясь с космической скоростью, показывало скорость его падения. Внезапно точка света вдалеке захлопнулась, и Андрей остался в абсолютной темноте, перестал что-либо осознавать и ощущать, забывшись глубоким сном.

Глава 2

I

Андрей начал приходить в себя полчаса назад. Впрочем, в том состоянии, в котором он оказался, понятие времени скомкалось, как лист бумаги, и полетело в урну.

Сначала веки были тяжелые, словно канализационные люки, и, не в силах поднять их, Андрей сидел в темноте своего сознания, пытаясь понять, что же произошло. Память взрывалась шумными помехами, как телевизор при слабом сигнале, и выдавала лишь мутное мельтешение. Решив действовать постепенно, Андрей вспомнил свое имя, родителей, работу. Здесь проблем не возникло, и, опираясь на эти основные вехи, он стал двигаться дальше.

Память искрилась голубым током, как при плохой проводке, но, несмотря на трудности, Андрей вспомнил Женьку, Ирину, ее квартиру и события ночи. Раскручивая клубок дальше, он увидел утреннюю размолвку и себя, неуверенно покидающего квартиру подружки. Лишь когда следствие добралось до незаводящейся машины, память вспыхнула, настроившись на волну, и моментально выдала серые глаза водителя «жучки» и его отточенное движение, которое ослепило белым светом и унесло в темноту.

В душу Андрея, как грабитель в квартиру, ворвался страх, который не успел возникнуть перед тем, как молодой человек потерял сознание. Теперь, решив наверстать упущенное, страх принялся глотать беззащитный мозг Андрея, запугивая неизвестностью, которая притаилась за неподъемными веками-люками. Стараясь избавиться от него или хотя бы приглушить, Андрей напрягся в попытке открыть глаза. Но литые крышки не поддались напору ослабевшего тела. А страх не уставал подбрасывать все новые детали в картину того, что творилось за закрытыми глазами.

Конечно, Андрей не мог поверить, что там ад: пышущие жаром сковородки, прыгающие вокруг в мрачном хороводе черти. Ясно, что он жив. Ведь сознание, как обделенная скромностью девица, поломалось лишь для вида и в конце концов присоединилось к нему. Да, впрочем, и все сказки о загробной жизни – полная чепуха.

И, переваривая, что произошло, Андрей все более утверждался в мысли, что его похитили. Но *и это* казалось неправдоподобным. Для чего? На этот вопрос не было ответа. Мозги еще не пришли в себя от стресса, и мысли рвались, как слабые паутинки, и не давали построить ни одной логической цепочки.

Голова болела, как готовый взорваться динамит, но страх и неизвестность заставляли лихорадочно искать объяснения и не удовлетворяться тишиной, которая обволакивала темноту, царившую внутри Андрея.

Упорные попытки все же дали результат. Где-то мелькнул лучик объяснения, и осторожно, следуя на ощупь, Андрей добрался до него. Только вот легче не стало. Молодого здорового парня могли использовать по тысяче назначений. И все возможные варианты тут же всплыли в голове.

Его могли продать в Чечню или подобную свободную республику и использовать там в качестве соображающего мула, который не требует много пищи.

Его могли отдать в подпольный публичный дом, чтобы жирные облезлые педики могли расковырять новую попку своими ненасытными членами.

У него могли, наконец, просто вырвать сердце и почки и распродать по частям для нужд богатых старичков.

Было ясно, что мужик в «Жигулях» с голосом терминатора не помощник Деда Мороза и не собирается отвезти его в Диснейленд в награду за бедное чудесами детство. Страх, получив реальные ориентиры опасности, ушел из головы и впился острыми зубами в сердце, застав-

ляя его судорожно сжиматься от накопившейся холодной боли. Теперь Андрею нестерпимо хотелось открыть глаза и увидеть, какие же предположения окажутся справедливыми.

Внезапно в мозг поступил тревожный звонок, и от этого лоб Андрея покрылся потом, а кровь превратилась в гжучую жидкость и сердце обожгло, точно потоком кислоты. До Андрея дошло, что он *не чувствует* своих рук. Они обрывались в районе плеч и не подавали признаков своего существования. Мысли парня обратились к ногам. Слава богу, жизнь в них присутствовала – кровь пульсировала, и даже немного ныло правое колено, хотя попытки подвигать ими привели к плачевным результатам: мышцы ног чуть задрожали и расслабились, бессильные сдвинуть вкопанные в землю столбы.

Но рук не было. И в страхе, что с ним уже сотворили что-то ужасное, Андрей напрягся, сконцентрировал свою энергию на единственном желании и начал открывать глаза. Пота на лбу прибавилось. Андрей почувствовал, как тот капает на лицо, оставляя жирные следы. Сознание заиграло фотовспышками, устроив аритмичную дискотеку, зажигаясь то слева, то справа, слепило мысли. Но главное – веки тяжело поползли вверх. Медленно трогаясь, как длинный товарный состав, но поползли.

Но... ничего не случилось. Темнота осталась полнейшей. Может быть, она стала только объемнее, расширившись за границы век, но все равно не приоткрыла ни одной тайны. Андрей почувствовал сильное разочарование, как будто в глубине себя ожидал, что стоит только открыть глаза, и он окажется дома, а все произошедшее окажется глупой шуткой. Ему вдруг вспомнилась Кунгурская ледяная пещера, на экскурсию в которую он ездил лет в двенадцать.

Андрей в тот год выиграл школьную олимпиаду по математике. И всех их, знатоков истории, географии, литературы, физики, химии и математики, занявших призовые места, наградили поездкой в Пермь с осмотром главной достопримечательности Кунгура.

Пещера действительно была впечатляющая. Они шли по бетонной дорожке в метр шириной и разглядывали красоту горных пород, огромные сталактиты и сталагмиты, подсвеченные цветными прожекторами. Мальчику запомнилась дыра, которая уходила далеко, до бесконечности, вверх и из которой капала вода. Капли падали с невероятной четкостью через равные промежутки времени и уже пробили в большом камне приличную дыру сантиметров в десять. Реальное подтверждение пословицы «Вода камень точит», подумалось ему тогда.

Но больше всего его впечатлил и запомнился на всю жизнь другой аттракцион. Экскурсовод привел их группу в большой зал и, сказав пару слов о том, что солнечные лучи никогда не проникают под многометровые слои земли, подошел к электрошлиту и выключил свет.

Темнота, абсолютная и безжалостная, тут же схватила Андрея, отгораживая от товарищей. Вообще-то, нет, первые мгновения потухающие блики заиграли в глазах (только потом, в институте, Андрей узнал, что это память сетчатки), но затем темнота освоилась в своем господствующем положении. Андрей поднес руку к лицу и не увидел ее. Он удивленно вращал руку, чувствуя, что она есть, но глаза отрицали это.

В подземном зале воцарилась тишина. Никто не говорил ни слова, вся группа оказалась заморожена отсутствием окружающего мира. Андрей застыл, как и остальные. Это была настоящая темнота. Никаких пугающих теней или отсветов, заставляющих вздрогнуть. В сантиметре от него мог стоять оживший труп, готовый схватить за горло и скушать мозги («*Мозги. Хочу еще мозги!*»), а Андрей и не увидел бы этого. И вместо удивления и восхищения, которые обычно зарождал в сердцах детей этот аттракцион, мальчик ощутил другое.

Он почувствовал, как проваливается в глубокую шахту внутри себя. Это было странно и пугающе, как будто пропажа мира снаружи дала раскрыться чему-то внутри. *Неизведанному и нереальному*. Андрей уловил это чувство лишь на мгновение, и сразу оно начало быстро тухнуть. Снаружи шахты послышались голоса, скоростным лифтом сознание взлетело вверх, к голове, и через секунду сам Андрей начал радостно гикать со всеми, разрушая очарование конца света.

Экскурсовод включил осветительные приборы и заставил зажмурить глаза, радостные от осознания своей необходимости, после чего повел группу дальше. Но дальнейшая экскурсия прошла мимо Андрея, который задумался, реально ли то ощущение, открывшееся ему в абсолютной темноте. Он вспомнил, что видел подобное падение во сне, когда несешься вглубь бездонного колодца и сердце сперва замирает от ужаса, а затем понимает, что это сон, и наслаждается свободным полетом. А вокруг ничего нет, только ощущения, которым веришь, и раскрепощенные чувства, которыми восхищаешься.

...Молодой человек дернулся и стремительно вернулся из чудного прошлого в ужасное настоящее. Глаза освоились с темнотой, но Андрей расслабился, не в силах больше удерживать веки, которые снова налились свинцовой тяжестью, и глаза захлопнулись.

Так он просидел несколько минут, расслабившись и немного успокоившись. На страх накатила волна тяжелой усталости, оставив его ныть где-то в далекой глубине. Но Андрей понимал, что его состояние понемногу улучшается.

Волна усталости, очевидно, была последним эффектом неизвестного препарата, который использовали против него. И, когда начался отлив, Андрей почувствовал, что возвращаются прежние ощущения; его кровь очищалась, и снотворная зараза покидала заметно посвежевшее тело. Болевые искрения в голове прошли, и Андрей понял, что мысли больше не доставляют боли, а участки мозга, которые, казалось, уже отмерли, снова стали функционировать.

Но он не успел этому обрадоваться. Забыв обо всем, его мозг завопил: «Тревога!» Андрей напрягся, словно маленький зверек, учуявший опасность. Только, в отличие от зверька, он не мог надеяться, что охотник проследует мимо. Он уже попался в капкан, и кто-то точно знает, куда идти и где искать свою добычу, и нет возможности убежать или спрятаться. Но все равно взбесившийся инстинкт самосохранения, не считаясь с тем, что владелец не может сдвинуться с места, заорал в ухо, что уже пора сматываться, что паук вот-вот доберется до запутавшейся в его сетях жертвы, что пора предпринимать что-то, иначе он не отвечает за последствия.

«Ну что ж, – подумал Андрей, – за последствия придется не отвечать, а расплачиваться», – и открыл глаза, в которые уже рвался свет. Именно появление света сквозь закрытые веки и вызвало эту дикую панику. Свет появился бесшумно и внезапно, но теперь Андрей уже слышал шум шагов, который шел откуда-то сверху. «Расплата близка», – вспомнил он название своей же песни. *Ближе не бывает.*

II

Не успели глаза привыкнуть теперь уже к свету, дверь скрипнула и открылась. Из дверного проема появилась немного сгорбленная фигура (ну кто бы мог подумать?) водителя злополучной «жучки». «Доброе утро, страна», – подумалось Андрею, который сразу наполнился сарказмом. Возможно, тот был реакцией на страх и беззащитность. Что ж, хорошо хоть не давление в мочевом пузыре.

Андрей быстро пробежался взглядом по помещению. Оно вновь ослепило. Теперь уже белизной. Все стены были выкрашены эмалированной белой краской, что создавало впечатление стерильной чистоты. Но, не увидев стола для разделки туш, Андрей понял, что сердце сейчас ему не станут вырезать.

Комната была без окон и оказалась небольшой, метра три на три. Посреди комнаты небрежно стоял стул, как будто кто-то отодвинул его, когда делал уборку, и забыл поставить обратно к стенке. У стены справа от Андрея поместился книжный шкаф, только его полки были заняты не старыми романами или подпиской журнала «Техника – молодежи». На них в коробках и просто так лежали разные инструменты. Обычный набор *домашнего* мастера: ножовка, молоток, отвертки, гвозди, пассатижи, дрель с набором сверл, долото, стамеска и другие необходимые в хозяйстве вещи.

Но одна вещь вывела Андрея из себя, приковала внимание, не позволив перевести взгляд дальше, напугав до бесконечности, еще ничего не прояснив, но многое объясняя.

Там лежала тряпка. Обычная грязная тряпка, которая когда-то была трусами или частью рубашки. Таким куском материи хорошо вытирать грязные руки после работы со смазанными механизмами. Но только *именно* эта тряпка была не такой, как все.

По сторонам от нее болтались концы скотча, который крепился на этом скомканном материале. И Андрей явно представил, как можно применить это нехитрое приспособление, приклеивая скотч к щекам и затылку. А тряпка, естественно, попадала прямым в рот, затыкая его, чтобы нельзя было орать или звать на помощь.

Среди набора домашних инструментов затесался предмет, который портил всю картину. Как в загадке: найди на рисунке лишнюю вещь. Только здесь ответ был слишком очевиден и доступен даже людям с безнадежной логикой. Сюда попала вещь из другого набора – *домашнего* сади́ста или надзирателя. Кому как больше нравится.

Метнув загнанный взгляд в сторону вошедшего человека, Андрей вспомнил о чем-то важном. *Руки*. Теперь есть свет и можно разглядеть, что с ними. Голова боязливо повернулась вправо. Андрей так боялся увидеть что-нибудь страшное и непоправимое, что забыл дышать.

Руки были на месте. Вернее, они были, а место ли это для них, следовало решать отдельно. Они устремлялись вверх под углом к плечам приблизительно в сорок пять градусов. В таком положении их удерживали крепкие с виду веревки, которые, в свою очередь, были привязаны большими узлами к черным железным крюкам, вбитым в стену.

Теперь Андрей понял, почему не чувствовал их. Руки затекли, находясь без движения в непривычном положении. От этой мысли сразу встал вопрос о времени. Сколько он сидит здесь, полураспят между крюками, напоминающими кривые железные когти, готовые вырваться из стены и вонзиться под ребра? Ответа не было.

Андрей не представлял, что сейчас – день или ночь. Не знал даты. Мог он провалиться без сознания сутки? Или двое? Ориентиры времени были стерты продолжительным сном, и теперь, в этом замкнутом пространстве, полностью отрезанном от внешнего мира, им неоткуда было взяться. «Может, спросишь у него?» – ехидно предложил голосок внутри, и глаза, наконец оторвавшись от крюков, посмотрели на похитителя.

Тот спокойно устраивался на стуле посреди комнатки напротив своей жертвы. Андрей внимательно всмотрелся в этого человека. Ведь теперь тот был не просто водитель автомобиля, решивший из жалости подвезти его, промокшего и одинокого, а преступивший закон киднеппер, уже рискующий получить тюремный срок только за это непонятно с какой целью навязанное гостеприимство. Андрей пытался найти в его облике черты, которые могли бы подсказать об опасности, за которые нужно было уцепиться, чтобы не попасть в капкан. И он как боялся найти их и потом винить себя в собственной глупости и невнимательности, из-за которых угодил в лапы этому пауку.

Лампочка без плафона висела прямо над похитителем и хорошо освещала его приподнятое лицо, отбрасывая тень на грудь. Он был все тот же, что и в машине: такое же неровное лицо и пронзающий взгляд серых глаз. Теперь, при ярком искусственном свете, они теряли цвет и становились пустыми и водянистыми, словно неживыми. Андрей не сказал бы, что они были замерзшими, как у покойника, скорее в них просто отсутствовала жизнь и ее желание.

Человек напротив Андрея сидел закинув ногу на ногу, никуда не спеша, давая рассмотреть себя. Он был одет в синие истертые джинсы, черные ботинки на толстой ребристой подошве и синюю футболку «Рибок» с растянутым воротом. «Как и в машине», – подумал Андрей, только там на нем была еще джинсовая куртка, какие были в моде лет пять назад, похожие на пиджак младших школьников, с карманами на груди.

Похититель никуда не торопился, ясно давая понять, что времени у него достаточно, чтобы обстоятельно объяснить, что здесь сейчас происходит. И в этой неторопливости чув-

становалась прямая угроза. Андрей ощутил ее всей кожей, покрывшейся мурашками. Он чувствовал это *обстоятельно*, чувствовал, что с него вытрясут все, что нужно, и не отвертеться шпиргалками и случайными знаниями, как на экзамене в институте.

Но все-таки пауза затянулась, и как ни хотелось Андрею не открывать рот под взглядом хмурых глаз, как ни хотелось не узнать тайны, которая скрывалась за ними, – он взял волю в кулак, удивившись, что она еще не оставила его, и спросил, стараясь, чтобы интонация была ровной, не угрожающей и не просительной:

– Что вам нужно от меня?

Голос не хотел слушаться своего обладателя. Он испуганно дрожал и ломался от волнения. Кроме того, горло пересохло, и фраза вышла глухой и еле слышной.

Проблеск удовлетворенности мелькнул на лице похитителя, но он не ответил, а спокойно встал и направился к двери. Затем он плотно закрыл ее, защелкнув шпингалетами снизу и сверху, развернулся и направился к Андрею.

Андрей напряженно смотрел на производимые действия и тревожно вздрогнул, когда шпингалеты хищно клацнули, отозвавшись в его сердце ледяными судорогами.

Что-то начинается.

Ему сразу вспомнился фильм с Кевином Костнером. Точнее, не само кино, а его название, которое точно определяло ощущения, испытываемые им. Фильм назывался «Выхода нет».

И мозги звонко отстучали, словно на пишущей машинке: «Это уж точно».

III

Водитель «копейки» встал прямо перед Андреем, так, что его обтянутый футболкой живот уперся в лицо молодого человека. Футболка пропиталась запахом бензина и пота, и Андрей вновь почувствовал нездоровую тошноту. Человек что-то делал вверху, но Андрей, придавленный его телом, не мог поднять голову и посмотреть, что именно. Состояние неизвестности, пропитанное запахом бензина, продолжалось с минуту. Затем похититель отошел в сторону, и Андрей смог увидеть, что тот отвязал его правую руку и теперь встряхивает и массирует ее. Чувств в руке не осталось. С таким же успехом этот человек мог массировать палку, валяющуюся на дороге. Андрей вдруг представил, что незванный массажист мог бы отпилить ему кисть, и если бы не глаза, он бы и не узнал об этом.

Вдруг резкая боль пронеслась по руке. От неожиданности Андрей тихо застонал. Затем из одного места боль начала расширяться, продвигаться толчками по руке, одновременно нагревая ее. Через секунду сотни тысяч мелких иголок впились в руку и принялись жалить ее со скоростью швейной машинки. Но вместе с болью по руке прошла сладкая судорога, точно организм удовлетворенно крякнул, почувствовав часть себя.

Горячая кровь бросилась нагревать замерзшую плоть, пробираясь во все заброшенные закутки, даря жизнь. Андрей уже начинал чувствовать пальцы, хотя и не мог еще двинуть ими. Он стал ощущать чужие руки, которые массировали предплечье, и в этот момент ему подумалось, что не все так плохо, как казалось в безнадежной темноте. Лучик надежды осветил черную пещеру сознания. Сознание грустно хмыкнуло оттого, что повода для этого еще не было, но все равно начало наполняться неумолимой верой в лучшее.

– Чувствуешь руку? – спросил похититель, возвращая Андрея к реальности.

– Еще не совсем, но...

Человек не дал завершить фразу:

– Сейчас почувствуешь, – сказал он, и Андрей уловил оттенок интонации в его монотонном голосе.

Но уж лучше бы этого не произошло, потому что нотки, которые прозвучали в последней фразе, заставили лучик внутри заморгать свечой на ветру и вспомнить зловещее клацанье

шпингалетов, отрезавших пространство белой комнаты от остального мира и как бы сказавших: здесь свои законы, парень, и мы тебя научим им. Живо научим.

Глава 3

I

– Ну конечно, – только и сказала Ирина, услышав, как щелкнул замок входной двери.

Дальше ее мысли уже не находили звукового воплощения. Только такого и можно от него ожидать. Она встала под душ, чтобы подавить досаду, боль и злость, которые, словно вымуштрованные солдаты, по команде «подъем» выскочили из теплых коек.

Он такой, думала она об Андрее, вечно уверен в своей правоте. У него на каждую ситуацию приготовлен точнехонький ответ, как будто он обдумал всю жизнь наперед. И все всегда должно быть по его плану, а предложения остальных только «принимаются к рассмотрению».

Кошмар, как можно так жить, когда все запланировано и предусмотрено. Наверняка он бы так не рассердился, если бы мог записать их ссору в своем ежедневнике. Ирина хмыкнула, представив страничку записной книжки своего друга:

«9:00 – подъем;

9:20 – ссора с Ириной;

10:00 – встреча с X».

И так далее.

Интересно, свое признание в любви он тоже запланировал заранее?

Подтрунивания над Андрюшей приятно отзывались внутри, подыгрывая злости и устранив боль. Она не думала, что обида Андрея затянется надолго. Он покатается на своей машине, позлится, поставит какой-нибудь оглушительный рок, используя всю мощь своей стереосистемы. Потом, может, посплетничает с друзьями за бутылкой пива. Но к вечеру все равно придет к ней и немного пристыженно попросит прощения. Будет слабо улыбаться и стараться рассмешить ее анекдотами, что услышал за день. Теперь оставалось только решить: примет ли она его.

Горячий душ настраивал на миролюбивый лад, и, решив больше не думать об утреннем инциденте (пускай все идет само собой), Ирина отдалась тонким струям, нежно обтекающим ее упругое молодое тело, которое может быть завлекательным и неотразимым, которое позволяет теплым рукам зажигать себя и дарит наслаждение. Она увлеклась собой, глядясь в запотевшее зеркало, которое приходилось ежеминутно вытирать.

Ирина полоскалась почти час, не в силах вылезти из-под разомлевающего душа, тем более что за дверью ванной ее поджидал холод утра. Затем она тщательно и долго расчесывалась, получая удовольствие от прикосновения к своим шелковым волосам, от того, как ровно и гладко они ложились на плечи. Покинуть ванную она заставила себя уже почти в одиннадцать.

Противный холод тут же обнял Ирину. Вместе с его прикосновениями она увидела скромканную разобранную кровать, которая была освещена тусклым светом и напоминала разрытую нору лисицы. Настроение сразу стало портиться, будто пасмурная серость пробралась внутрь девушки. Ирина зажгла свет, чтобы хоть чуть-чуть разогнать тоску, которая сгустилась в комнате.

Нужно было выйти в прихожую, чтобы проверить, хорошо ли закрыта дверь, хотя Ирина почти не сомневалась в том, что продуманный Андрюша не мог оставить ее незапертой. Она вышла в прихожую и подергала дверь. Конечно, та была заперта. Ирина повернулась и собралась пойти на кухню, приготовить наконец что-нибудь поесть, как увидела одну вещь, которой здесь было не место.

Это было настолько непривычно, что сразу бросилось в глаза. Когда Андрюша приходил, он вешал свои ключи на гвоздик, вбитый в стену. Ключей в связке было много: два от его

квартиры, два от гаража, два от машины, еще ключ с работы и ключ от ее дома, который она сама вручила ему, когда поняла, что любит.

Когда ее друг уходил, его гвоздик пустовал. Она так и называла: «его гвоздик». В словаре Ирины появился не замечаемый ею милый жаргон.

«Гвоздик пустует» – значит, Андрюшки нет. «Гвоздик работает» – значит, он пришел.

Сейчас «гвоздик *работал*», но Ирина сразу поняла, что любимый не сидит сейчас на кухне под столом, сдерживая смех, чтобы разыграть ее. Он не прячется в одежном шкафу, боясь шелохнуться и смазать шутку. Непомерная тяжесть придавила девушку, не позволяя сдвинуться с места и мешая соображать. Ведь на его гвоздике висел всего один ключ. Этот ключ она сама дала своему избраннику. И пусть это был только ключ от квартиры, но открывал он не только входную дверь. Ему был доступен и замок сердца. Получалось, что ее любовь теперь не нужна. Что ее опять бросили.

Она вспомнила глаза Паши. Это были глаза преступника. Они бегали с одного предмета на другой, не решаясь остановиться ни на чем. Особенно на ее глазах, как будто их свет обжигал, подобно кислоте. И Павел при соприкосновении взглядов незаметно для себя морщился, как от боли. В конце концов его зрачки остановились, видимо устав метаться. Он смотрел на ее руки, и Ирина чувствовала этот взгляд, словно касание пальцев.

Должно быть, Паша готовил речь, так как стоило ему начать говорить, как его волнение поутихло и он довольно четко отбарабанил, что их отношения зашли в тупик, из которого нет выхода двоим, что нужно выбираться поодиночке. Как оратор, он задавал вопросы и тут же отвечал на них, ведя слушателя к единственному выводу.

Слушая его триады, Ирина подумала: почему ей нравятся умные мужчины? Простой мужик просто послал бы ее подальше, не утруждая себя объяснениями, от которых хотелось блевать и которые показывали: ну какой же Паша все-таки козел. Она не дослушала до конца и, зло улыбаясь, сказала просто:

– Катись.

Павел ушел, радуясь в душе, что сорвалась все-таки она, а он скинул с себя тяжесть зачинщика разлуки.

Она потом проревела всю ночь, ощущая себя половой тряпкой, о которую вытерли ноги и даже не заметили этого. Боль, ненужность, усталость и тоска переплелись той ночью в спутанный клубок. А слезы лились и лились из глаз от мешанины мыслей, жалости к себе и любви, пускай измазанной предательством Павла, как потекшей ручкой, но все еще яркой и желанной. Когда она вспоминала его лицо в вечер их встречи, то так хотела, чтобы он постучался в дверь и, обняв ее, сказал, что все это его неумная шутка. Но когда видела перед собой бегущие холодные глазки и слышала слова, от которых хотелось провалиться под землю, Ирина мечтала, чтобы тот никогда не родился.

Теперь прошлое возвращалось. И в памяти всплыл стишок, который Ирина сочинила, когда пыталась избавиться от чувств к Павлу:

Раз-два – все мужики чума.

Три-четыре – трудно с ними ужиться в мире.

Пять-шесть – любят только пить и есть.

Семь-восемь – отойти подальше просим.

Слова от злости складывались сами собой, и сочинение этих простых строк облегчало боль. Ее мозг вместо жалости к себе начинал думать совершенно о другом: какое слово еще можно подставить в стишок? Но боль прошла, и после этого Ирина не позволила этой муженавистнической считалочке стать девизом своей жизни. Теперь же посчитаться снова и изменить свое отношение к мужчинам стало нестерпимо желанным:

*Двадцать шесть – двадцать семь —
не встречаюсь ни с кем, и нет проблем.*

Ирина отвернулась от болтающегося на гвозде ключа и быстро пошла на кухню, подбадривая себя ритмичным шепотом:

– Раз-два – все мужики чума.

II

До кухни Ирина не дошла. Тишину квартиры разорвал резкий звонок. Он не дал девушке дорассказать, что же мужики любят.

«Срок подачи апелляции истек, милый», – победно подумала она. *Отойти от нас подальше просим.* Она решительно направилась к двери, намереваясь четко и просто объяснить свою новую жизненную позицию мерзкому типу. *Не встречаюсь ни с кем, и нет проблем.*

На пороге стоял Женька. Он торопливо-приветливо махнул ей рукой и спросил:

– Ты чего такая злая? – но, не дожидаясь ответа на вопрос и приглашения войти, влетел в прихожую. – Где этот засоня? Я его сейчас убивать буду!

Ирина маленько поубавила горелку злости – все-таки перед ней был не самый мерзкий представитель противоположного пола, а только его друг.

– Он давно ушел.

– Как ушел? – не поверил Женька. – Брось его покрывать.

– Больно надо.

– Когда?

– Да час назад.

Женька попытался ворваться в квартиру, но Ирина его не пустила. Тот остановился на секунду и всмотрелся в насупленное лицо девушки.

– Поссорились, что ли?

Ирина не хотела пускать его в свои тайны. Она почувствовала оскорбительную униженность в факте того, что ее бросили. И говорить об этом значило унижать себя.

– Нет.

– Тогда говори, где его прячешь.

– Да ушел он!

– А машина-то что под окном стоит?

Ирина забыла о том, что *«не встречаюсь ни с кем, и нет проблем»*, и кинулась к окну. В страшной спешке и непонятной тревоге она чуть не опрокинула телевизор, который качнулся, но встал на место. Она подлетела к стеклу и всмотрелась в стоянку, которая находилась у соседнего подъезда.

Ближе всех стояла грузовая «Газель», перекрывая вид на следующий за ней автомобиль, который только чуть-чуть выглядывал зеркалом заднего вида со стороны водительского места. Ирина уже хотела броситься на улицу, чтобы рассмотреть замаскированную машину, как взгляд ее упал на другую сторону площадки. Одинокий, словно брошенный, сданный в утиль, там стоял автомобиль Андрея.

Она не могла ошибиться. Если занимался любовью в машине, уже не забудешь, какая она. Андрюша пришел в тот вечер довольный и чем-то возбужденный.

– Сюрприз-сюрприз! – закричал он с порога.

В ответ на недоуменное выражение ее лица он вытащил из кармана черную повязку.

– Иди сюда, моя девочка, – заговорщически произнес он.

Она глупо улыбнулась, но, заинтригованная, подошла. Андрюша завязал ей глаза, тихонько подпевая старую мелодию: «Сюрприз-сюрприз. Да здравствует сюрприз!» – и повел ее за собой. Ирина ничего не понимала, но поддавалась его руке, которая тянула за собой.

Они вышли из квартиры, спустились на первый этаж, а затем оказались на улице. Она представила себя идущей вдоль бабушек, вечно сидящих на скамейке у подъезда, и ей стало неловко за свой глупый вид, но Андрея это вроде как и не смущало. Он вел ее дальше. Затем они остановились.

– Подожди, – весело бросил парень.

Послышались короткое шебуршение и звон ключей, а затем щелчок открывающейся двери автомобиля.

– Садись, – сказал Андрей и подвел ее к месту, помог усесться, придерживая голову.

Все это казалось Ирине невероятно смешным и нелепым, но в то же время она не противилась вовлечению ее в какую-то еще непонятную ей игру.

Потом щелкнула дверца слева.

– Ну что, поехали? – спросил Андрюшка, не ожидая ответа.

– Можно я сниму повязку? – Ирина попыталась выйти в аут, но Андрей только тихонько прикрикнул:

– Сиди.

Завелся двигатель, и машина тронулась с места. Они ехали минут двадцать, часто поворачивая, так что Ирина и представить не могла, где она находится. Вдруг скорость упала и автомобиль остановился.

– Сейчас снимать? – настойчиво спросила Ирина.

– Нет, – ответил Андрюша, и его губы коснулись ее щеки. Затем его пальцы стали сжимать грудь, а губы впились в мочку уха.

Ирина не видела, где она, что вокруг, за окном машины, и эта неизвестность внезапно возбудила ее, и она обняла Андрюшу, стараясь притянуть его к себе. Затем рука соскользнула к его ширинке и медленно расстегнула ее. Член Андрея был тверд, как ствол пушки, и Ирина начала забывать обо всем на свете.

Она почувствовала, как с нее сняли кофточку, и сама стащила непослушные Андрюшины джинсы. Затем трусики последовали за кофточкой, и в порыве затягивающей страсти девушка перебралась к нему на сиденье, подстраиваясь и вводя его член в себя.

К своему ужасу, она ощутила дикий восторг от мысли, что за ними кто-то подглядывает, и всецело отдалась любимому. Оргазм был невероятный. Ирине показалось, что она одновременно задыхается и летит в небеса, расправив прекрасные белые крылья.

Когда сладкие судороги стали спадать, Андрей стянул повязку, и девушка увидела, что они заехали в лес, на небольшую полянку. Но, обратив внимание на обстановку вокруг, она не заметила самого главного, что хотел ей показать Андрюша, и это дошло до нее только после того, как он гордо сказал:

– Это *моя* машина.

И Ирина неожиданно рассмеялась, только тогда осознав сущность сюрприза. Сколько он еще их придумает?

Похоже, очередь за следующим.

Ш

«*Не встречаюсь ни с кем, и нет проблем*» совсем забилося в дальний угол, как будто и не вылезало совсем. Мужики тоже стали не такими страшными. Женька заботливо принес ей горячий кофе с бутербродами и сел рядом, наблюдая, как она ест.

Ирина механически проглатывала хлеб с колбасой, запивая кофе, и не ощущала вкуса, только температуру. Холодное – бутерброд. Горячее – кофе. (Холодное – горячее. Холодное – горячее, горячее.)

– Где он может быть? – спросила Ирина, жутко надеясь, что Женька что-нибудь придумает. (Горячее.)

– Ясно, что без машины он далеко не уйдет. Может, он в магазин пошел? – предположил Женя, сам не веря в свою мысль.

– И остался там на час. Действительно, я же забыла – сегодня очередь за «Сникерсами». (Холодное.)

– Не язви. Он-то ничего не сказал?

Ирина поняла, что придется рассказать о ссоре, но сейчас эта мысль совсем не задела ее, охваченную ужасающим беспокойством. (Горячее.)

– Нет. Мы поссорились.

(Горячее.) Женька метнул на нее быстрый взгляд – типа «что и требовалось доказать».

– И ко мне он не зашел и не поговорил. Пропал просто.

– А что, он должен был зайти? – засовывая в рот остатки бутерброда, спросила Ирина, не уловив пока *основного* слова. (Холодное.)

– Должен. Мы договаривались подработать немножко на одной стройке. Сейчас все обломалось. – Он вздохнул и обреченно добавил: – Можно я себе тоже кофе налью?

– Конечно, – автоматически ответила девушка, уходя все глубже в свои мысли. (Горячее.)

Женька скрылся на кухне, оставив ее на пару минут, и она сосредоточилась на тревожном ощущении внутри себя, которому никак не могла найти объяснения.

«Ну, не пришел, – думала она, – мало ли чего не бывает. Встретил старую подружку и зашел попить чаю, пообщаться». Но Ирина сама чувствовала фальшь в этих доводах. Незримый камертон уверенно показывал четкий дисбаланс. Что-то не состыковывалось. И это было совсем рядом. Только отодвинь занавеску. Она припомнила события утра. Да, где-то здесь.

В этот момент перед ней встала страничка Андрюшиного ежедневника, которую она сама себе нарисовала, когда стояла под горячим душем:

«9:00 – подъем;

9:20 – ссора с Ириной;

10:00 – встреча с X».

Вот в чем разгадка гложащего сердце беспокойства. Этим «иксом» был Женька. И чай со старой знакомой *не был* запланирован. А что не предусмотрено заранее, не имеет места. Уж кто-кто, а она знает своего парня. Да он и ведра не вынесет, если за сутки не скажешь. Должен – вот главное слово. Он *должен* был быть у Женьки, и помешать этому могла только *очень* экстренная ситуация. Ирина даже представить себе не могла какая. Мысль ее развивалась дальше, а тревога начала превращаться в липкий страх.

Ладно, предположим, какая бы она ни была, эта ситуация, она имела место. Первый шаг, который бы предпринял Андрей, не успевая на встречу, – он бы подошел к телефону и набрал пять цифр: четыре, семь, три, три, один. А потом бы сказал в трубку: «Женька, я тут задерживаюсь, так что действуй без меня». Вот что бы Андрей сделал. Какое бы плохое настроение или боль ни одолевали его.

Женя вошел в комнату и устроился на стуле с намерением спокойно выпить кофе. Ирина же поставила свою кружку на тумбочку с «Филипсом» и повернулась к нему, одновременно горя взглядом, намереваясь тут же бежать, искать, спрашивать и мечтая упасть на кровать и забыться в слезах. Женя увидел этот ошалевший взгляд, перестал жевать и весь напрягся.

– Женька, он в беде! – только и смогла произнести Ирина, не зная, что делать дальше, и ожидая помощи только от мужчины.

IV

Ее беспокойство передалось Жене в несравненно меньшем объеме.

– Почему ты так думаешь?

– Ну, ты же его знаешь. – Ирина лихорадочно соображала, как бы точнее передать уверенность в том, что с Андрюшей что-то случилось. Что-то непонятное. Страшное. – Ты же знаешь, что если он должен где-то быть, то он там будет.

– Плюс-минус пять минут, – поддержал ее Женя, все равно не веря, что не бывает ситуации, когда все правила идут к черту. – Ирина, понимаешь, поговорка «Уговор дороже денег» какая-то нерусская. Ее придумали англичане или американцы. Мы не такие. И какой бы у тебя Андрюха ни был правильный – и на старуху бывает проруха. – Женька улыбнулся подвернувшись к месту пословице. – Вот это про нас.

– И что, бывало когда-то такое, чтобы он не приходил и не звонил? – Ирина продолжала развивать свою мысль.

Женя ненадолго задумался.

– Ну, предположим, нет. Но должно же было когда-то начаться.

Ирина напряглась, ожидая следующей поговорки. Они создавали у нее впечатление пренебрежительного отношения Женьки к пугающему ее положению вещей, и она могла бы сорваться и накричать на него. Пронесло.

– Женя, ну пойми, это не тот случай, – умоляюще начала она. – Андрей не зашел к тебе, не позвонил. Машина на месте. Слишком много всего.

– Ладно, – сказал Женя таким тоном, что Ирина мысленно добавила: «Только не плачь». – Будем искать. Предложения такие: идем к телефону. Обзвоним всех, у кого он может быть, и даже парочку тех, у кого не может. А у кого нет телефонов – зайдем. Хорошо? Я в твоём распоряжении.

Ирине показалось, что этого слишком мало и первый звонок нужно сделать по номеру «02», но поняла, что план Жени был разумней. Кроме того, следовало просто начать что-то делать, иначе она взорвется от переполнявшего ее беспокойства, к которому примешивался безотчетный страх.

Ох, мужики, сколько ж с вами проблем.

Следующие полчаса прошли в наборе цифр на крутящемся диске уличного таксофона и однообразных фразах:

– Димка, привет. Андрей к тебе не заходил?

И в убивающе однообразных ответах:

– Нет.

Из объемного кармана жениной куртки появилась записная книжка, забитая сотней телефонов. Он монотонно читал, неторопливо переворачивая листы:

– Арбузов Коля – 3-12-57... Анисимова Света – 6-18-10... Багрянский Олег...

К таксофону подошла девушка. Нервно подождав минут пять, она резко сказала:

– Это общественный телефон. Разрешите мне позвонить.

Ирина быстро повернулась. Телефонная трубка лежала в чуть отведенной правой руке, как будто бы она собиралась с размаху врезать встрявшей девице промеж глаз.

– У нас человек пропал, – зло, чуть не крича, сказала она. – Поищите другой телефон.

Девушка дико уставилась на занесенную над ней трубку и перекошенное лицо Ирины и, инстинктивно отпрыгнув, бросилась от них, что-то пробормотав под нос. Но Ирина уже не слышала, набирая очередной номер.

Когда номера телефонов закончились, Ирина пустым взглядом посмотрела на Женю, испытывая чувство, будто она заплывла далеко и, оглянувшись на берег, поняла, что ей уже не вернуться. И вот она плывет обратно, выбиваясь из сил, уже еле загребая и через каждые

три-четыре взмаха отдыхая на спине. А земля все не приближается, наоборот, незаметное течение уносит ее все дальше и дальше. И такое чувство безысходности и тщетности усилий охватило ее, что она уже готова была бросить грести и похоронить себя в темной воде.

Она не помнила, как повесила трубку и привалилась к стене дома, чтобы не упасть от накотившей слабости. Когда память вернулась, Женька уже стоял рядом с ней и поддерживал за талию. Его голос был испуганным:

– Что с тобой?

– Ничего, мне лучше, – ответила Ирина и тут же негромко запричитала: – Ну что же делать? Его ведь нигде нет. Женя, нигде. Что мне делать?

Он обнял девушку за плечи:

– Не беспокойся, может, он в кино зашел. Или напился с горя после вашей ссоры и валяется сейчас под забором. Кстати, я знаю тут пару мест, куда он вполне мог пойти пешком. Без телефонов. Заглянем? – Женька старался говорить без остановки, считая, что тишина снова ухватит Ирину истерикой, или депрессией, или еще чем. С этими девчонками всего можно ожидать.

Сначала они пошли домой к Андрею. Он жил с родителями, пока не в силах позволить себе отдельное жилье. Те как раз грузили вещи, собираясь уехать на дачу. В последнее время он чаще проводил ночи у Ирины, навещаясь домой только по большим праздникам. Мама Андрея, Ксения Васильевна, сказала, что не видела сына с понедельника, и пусть Ирина передаст ему, как увидит, чтобы зашел домой – там какие-то письма пришли на его имя. Не став пугать родителей своими предположениями, Ирина и Женя ретировались и обошли всех знакомых, у кого не было телефона, но Андрея *нигде* не оказалось, *никуда* он не заходил, *никто* его не видел и *ничего* не слышал. Время уже перевалило за полдень, и Женька еще раз позвонил к себе домой – узнать, не объявился ли его пропащий друг. По хмурому выражению лица Ирина поняла, что нет.

– Все, я звоню в милицию, и ты меня не удержишь, – решила она, и Женька не подумал ей возражать.

– Дежурный по отделению лейтенант Петров слушает, – услышала она в трубке мужской голос, после того как набрала «02».

– Я хочу заявить о пропаже, – выпалила Ирина, словно боялась, что Петров принимает информацию только в первую секунду разговора. Но голос продолжил общение:

– Что у вас пропало?

– Друг. Ушел из дома и пропал.

Видимо, эмоциональное состояние, в котором произносились слова, не понравились лейтенанту:

– Успокойтесь. Мы примем меры. Когда это случилось?

«Хрен тут успокоишься», – подумала Ирина, не замечая грубых слов, которые старалась не употреблять, но все-таки взяла себя в руки, чтобы милиционер не принял ее за истеричку и серьезно отнесся к заявлению.

– Сегодня утром. – Теперь голос ее только чуть подрагивал, и Ирина сочла его сносным.

V

Смена лейтенанта Петрова началась в восемь часов. И он чуть было не опоздал на передачу дежурства. Майор неодобрительно посмотрел на него, когда он влетел в последнюю минуту. Петров надеялся, что майор не почувствует запаха перегара. Не виноват же он, что нормальные люди вечером в пятницу не волнуются, как вставать на следующий день.

Жена лейтенанта уехала на весь вчерашний вечер к матери, и он думал спокойно, без бабского присутствия посмотреть боевик с Дольфом Лундгреном, выпить две «Балтики» и вообще

повалиться на диване так, чтобы никто не стоял над душой. Не успел Дольф замочить пару нигеров, как к Петрову зашел Саня. Школьный друг приветственно вытащил из глубоких карманов две «троечки». От чего лейтенант никогда бы не отказался, так это выпить классическую «Балтику» в компании старого друга.

Саня работал на одном из местных «гигантов химии» и окончание рабочей недели решил отметить с Серегой. Пиво улетело мгновенно. Недаром же говорят, что сколько бы ни взяли, все равно придется бежать еще. Вот Саня и сбегал. А кто виноват, что у настоящего мужика жажда после пива только пробуждается. В общем, они классно посидели, приговорив еще поллитра «Столичной».

Где-то после десяти в Петрове включился автопилот, и дальнейшего он не помнил. Это его и занимало. Несмотря на гудящую, как колокол во время набата, голову, дежурный по отделению напряглся, чтобы вспомнить, что было потом. Жене явно не понравилось возвращение домой. «Хоть бы она Саню не застала, хоть бы он ушел раньше», – думал лейтенант, массируя виски средними пальцами. Если бы кто-нибудь зашел в отделение, то решил бы, что человек в милицейской форме показывает ему неприличные жесты.

Вечером Петрову предстояла объясниловка с женой, и настроение менялось от мрачного к мерзкому. Благо утро выдалось на редкость спокойное, а то для принятия быстрых решений он был явно не готов.

Пока Петров плавал в похмельном синдроме, время быстро проскальзывало между решеток КПЗ. Когда телефон тревожно звонил, он посылал ребят разобраться, что там произошло, и снова уносился в мир, где здорово трещала голова. Петров прекрасно понимал, что утро сейчас пройдет и начнется разогрев. Начнут прибегать обчищенные на рынке тетки, ребята станут притаскивать в стельку пьяных бомжей, которых просмотрели ночью. Где-нибудь встретится ножевое или, еще хуже, труп с огнестрельным. К обеду будет уже не продохнуть. А так не хотелось заставлять себя отрываться от стула и внимательно разбираться в жалобах. Поэтому когда позвонила истеричная девушка и начала выть, что у нее забрали любимого, он не включил соображение.

– Послушайте, утро ведь еще даже не закончилось, я не могу принять заявление. У нас и так дел невпроворот. – Он взглянул на ребят, от скуки играющих в дурачка. – Представьте, мы сейчас бросим все силы на розыск, а окажется, что пропавший только к другу зашел.

– Но...

Петров не хотел слушать аргументов – вдруг они окажутся весомыми и придется прислушаться, а так в случае чего он бы смог объяснить, почему не принял никаких мер.

– Позвоните завтра. Если он вдруг не вернется, в чем я очень сомневаюсь, позвоните завтра прямо с утра. Слышите?

Лейтенант повесил трубку и перевел дух. Он выиграл для своей больной головы еще минут десять, а если повезет, то целых полчаса. А там уж как-нибудь продержится до окончания смены. Самое страшное ждало его после службы. Он ненавидел ссориться с женой, особенно когда у нее был настоящий повод для этого. Опять придется идти на уступки и обещать что-то, а потом в течение недели выполнять обещанное, пока все не забудется и можно будет вернуться к обычной жизни.

Интересно, когда она вернулась, он уже спал? Это было бы лучше. В пьяном виде он невыносим.

Глава 4

I

Черное облако, клубясь и клопоча под встречным напором горячей крови, все плотней и гуще охватывало сознание Андрея. Громкий треск, который вначале показался оглушительным, удалялся и растворялся в плотном черном тумане. Воля еще боролась с наступающей темнотой, и он успел услышать чей-то пронзительный крик, в котором страх и боль слились в гремучую смесь, от которой похолодело бы на сердце у самого последнего идиота, не понимающего, кто он такой. А затем, через бесконечно растянувшееся мгновение, Андрей провалился в эту пугающую, но спасительную темноту.

Прошли годы, а может быть, секунды, и пустота вокруг начала заполняться обжигающими цветными пятнами от резких пульсирующих ударов внутри головы. С каждым таким ударом ярких клякс становилось все больше, пока они не заполнили до края черную пропасть, которая была невыносимо огромной. После чего она стала немыслимо маленькой и, казалось, могла уместиться на кончике носа.

Внезапно, с очередным пульсирующим ударом, все пятна слились, составив нечто целое и осязаемое, что действительно оказалось кончиком носа. Осознав это, Андрей поднял глаза, и реальность режущим светом ворвалась в пустой, замерший на месте мозг, который, как бы стараясь наверстать упущенное, начал бешено функционировать, заполняться ощущениями и образами. Одновременно объяснились и удары в голове. Это кровь невообразимо резко, словно прищипленная лошадь, врвалась в замершее серое вещество мозга.

Только тогда, почувствовав холодную испарину на искажившемся в сатирической гримасе лице, он узнал, чей это был крик, и ощутил адскую боль, которая дробилась острыми отголосками по всему телу и жадно пылала в одном, уже совершенно истлевшем, месте. Андрей понял, что в этом нет ничего необычного. Просто ему *сломали палец*.

Андрей прикрыл глаза и перевел дыхание. Он не знал, как реагировать и что предпринять. Ехидство свернулось, отлично понимая, что не может скрасить положение, и вопрос мелкими отзвуками эха дробился в пустоте, не находя собеседника: «Ну, что скажешь?»

Первой родилась мысль, что все это обман. Дьявольски ловко разыгранная шутка. Закрыв глаза и ощущая постепенное стихание боли, в это можно было поверить. *Хотелось верить*. Пальцы ломают только в жестоких фильмах. Но рациональный мозг очень сомневался в предложенной версии. Слишком уж много доказательств *очень* реального положения вещей. Но пока глаза закрыты, в шутку можно поверить. «Пока», – согласился мозг и призвал посмотреть, что делается за закрытыми веками.

Не давая себе опомниться, чтобы не передумать или снова не упасть в обморок, Андрей резко запрокинул голову назад и повернул ее вправо. Затылок стукнулся о гладкую стену, и мозги громко звякнули. Но Андрей даже не заметил неожиданного музыкального сопровождения, его мысли были сосредоточены на одном: открыть глаза и увидеть всю правду. Хоть бы она была не настолько жуткой, как подсказывало сердце.

Глаза резко открылись – на медленное поднятие век не хватило бы духу. Увиденное заставило вспомнить шок, который выбил сознание из Андрея. Он не представлял, что зрелище может быть таким невыносимо страшным. Андрей увидел, как мизинец беспомощно висит в невозможном положении, как будто это была не его собственная плоть, а чужая, непонятно зачем заменившая то, что всегда и безраздельно принадлежало ему. Такого он выдержать не мог.

Андрей видел много боевиков, ужастиков, триллеров, где людей убивали, как в шахматах рубят пешки – не обращая внимания. Их протыкали крюками, давили колесами, разносили

голову на мелкие кусочки из полицейских револьверов. На его глазах было сломано достаточное количество носов, рук и ног, а вид крови, пропитавшей одежду после многочисленных порезов и ран, стал просто обыденным. Но то, что он видел сейчас, было не кино. Скорее это напоминало телевизионный спектакль, который снимался не на киноплёнку, придающую происходившему отрешенный, далекий, киношный вид, а на видео, делавшее изображение реальным, будто события не разыграны, а происходят на самом деле.

Мизинец, который согнулся в противоположную остальным пальцам сторону, словно опущенный шлагбаум, был настолько реальным, что предположение о шутке отпало само собой. Здравомыслящие люди так не шутят. А те, у кого встречаются заскоки, не признают розыгрыши – *они все делают по-настоящему*. Как этот псих с заторможенными глазами, который в завершение массажа берется за один из пальцев и сгибает его туда, куда тот не сгибается.

В мозгу появился рекламный плакат с большими красными буквами и фотографией похитителя в чалме и с бородкой, как у старика Хоттабыча:

НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ВАШЕГО ОРГАНИЗМА!

Целебный массаж позволит вам познать невиданные чувства.

Андрей вздохнул чуть облегченно – к нему вернулась возможность язвить, которая помогла перенести смену обстановки. Он с отвращением и зло отвернулся от варварского зрелища пальца, устремив свой одновременно загнанный и озлобленный взгляд на мужчину перед ним. Тот уже привязал его руку обратно к железному крюку и уселся на свой стул. Его хмурые водянистые глаза ничего не выражали, а просто смотрели. Но, казалось, взгляд этот потяжелел килограммов на двадцать за последние пять минут, прижимая затылок Андрея к холодной стене.

Они дружно молчали несколько минут. В комнату не прорывались посторонние звуки, и только тяжелое дыхание Андрея комкало опасную тишину. Для него игра в молчанку могла тянуться вечно, это хотя бы давало паузу, чтобы прийти в себя и обдумать свое положение. Кроме того, он помнил, к какому эффекту привели последние его слова, и предпочитал молчать. «Может, пронесет», – снова выглянула надежда, которую Андрей проводил только горькой ухмылкой. Чтобы заглушить этот блеснувший в мрачной темноте свет, стоило только посмотреть на мизинец правой руки или даже просто вспомнить клацанье шпингалетов. Поистине, Кевин Костнер прав: «Выхода нет».

II

– Ну ты, парень, крутой. У тебя в глазах сразу и страх, и ненависть. Страх должен был предупредить, что в данном случае ненависть следует скрыть, – внезапно прервал молчание похититель Андрея.

Его голос походил на учительский, и в нем, как ни странно, слышались доброжелательность и участие. От прежнего бормотания заводной машины не осталось и следа, как будто сейчас перед Андреем сидел другой человек. Брат-близнец того сумасшедшего, что ломает пальцы.

Но Андрей не поддался на уловку, предложенную надеждой. Его похититель не изменился, просто *что-то изменилось в нем*. Улучшилось настроение, например. Это вполне может быть: ломка пальцев положительно воздействует на кровообращение и нервную систему.

Этот человек был прав. Андрей очень боялся. Впереди была только пугающая неизвестность. Он полностью находился в руках сумасшедшего, который мог сделать с ним что угодно. Черт, он боялся так, что еле сдерживал легкую дрожь в груди, словно от озноба. А глаза насто-

роженно следили за каждым движением человека напротив, ища в них угрозу, и, как часовые на вышке, тут же сообщали о новой опасности. Это напомнило Андрею общагу.

Школу заканчивают в семнадцать? Значит, ему было столько же, когда он первый раз в жизни ночевал в общежитии. Общежитие №2 Пермского политеха выглядело брошенным и разбомбленным. В большинстве пустующих комнат шел ремонт. Его еще с двумя абитуриентами поселили на третьем этаже, в комнате №344. Комната была темная, холодная, измызганная следами бывших пьянок. Но им было наплевать. Они заняли кровати и, побросав свои вещи, устремились в большой город с намерением схватить как можно больше. Поэтому и заснули как убитые и проспали бы до восьми часов, понукаемые будильником на консультации. Только разбудил их не будильник.

В три часа ночи их поднял громкий стук в дверь. Даже не стук – в дверь ломались. (*«Мы сейчас разнесем вашу е... ную дверь! Открывайте, суки!»*) Открывать было страшно. Но не открывать – еще страшнее. Андрей помнил замки. Он удивился, как они еще держатся. Но допустить, чтобы дверь сломали, было нельзя. По рассказам, в таком случае обычно всех гасили, а уж потом разговаривали. Один из них встал и открыл замок.

– Лежать! – приветствовали их два пьяных парня. – Деньги мне. Че, на..., абитура, давайте знакомиться с третьим курсом.

Третий курс выглядел неприглядно. Один студент, со светлыми волосами, стриженными ежиком, был одет в выпачканную в грязи куртку. Он вел разговор, вставляя мат как связующее через каждое слово. Второй, похожий на татарина, больше молчал, лишь злобно поглядывая темными зрачками из-под черных бровей. Их порядком шатало.

Светловолосый подошел к Андрею и ласково принялся учить его жизни:

– Вот такая, она, братуха, жизнь. Без мамочки. Ниче, годик обломаетесь, а затем сами будете козлов строить. А теперь, на..., деньги со всех. Мне насрать, где вы их брать будете. Я сейчас отвернусь, и вы быстро найдете восемьсот рублей.

И он отвернулся к стене, сделав вид, что читает надписи на обоях.

В то время на восемьсот рублей можно было купить бутылку водки. Деньги не гигантские, но все равно их было жалко. И поэтому абитуриенты напряженно молчали, боясь что-либо предпринять, но не желая безвозмездно делиться рублями.

– Ладно. – Парень в грязной куртке развернулся к кроватям, выстроенным в ряд. – Давайте спросим, стоит ли вот эта куртка восемьсот рублей? – И он протянул руку к джинсовке Андрея, которая висела на спинке его стула.

Андрей, сам не ожидая от себя, тут же рванулся к своей курточке. Он так просто не отдаст свое добро.

– Осторожно, – крикнул татарин, но светловолосый в этот вечер контролировал ситуацию. И пока Андрей стремился к своей джинсовке, старшекурсник переключил свое внимание на него. И нанес точный тяжелый удар.

Андрей только в последний момент увидел заросший волосами кулак, летевший в его глаз. В следующее мгновение он вскрикнул и отлетел на подушку. А может, это было в обратной последовательности – вначале отлетел, а потом вскрикнул? Все произошло слишком быстро, чтобы теперь определить последовательность событий. Может, даже вначале он зажмурился, а уж потом закричал или врезался затылком в подушку.

Когда Андрею удалось прийти в себя и приоткрыть горящий глаз, белобрысый уже всю торговал его курткой. (*«Ну, кто даст восемьсот за это барахло?»*)

– Там у меня в кармане пятисотка, – обреченно сказал Андрей. *Новый способ борьбы с жадностью – удар волосатого кулака.* Андрей горько про себя улыбнулся. Уже тогда он учился выживать в экстремальных ситуациях. Главное – здоровый дух.

– Достань сам. – Старшекурсник кинул джинсовку Андрею на кровать. – Я по чужим карманам не лазаю.

Остальные триста рублей наскребли ребята. Сейчас Андрей не мог вспомнить их лица. Они свалили на следующий день. Еще бы. Татарин на прощание разговорился:

– Молодцы, козлы. Так бы сразу. Завтра мы тоже зайдем. Еще кого-нибудь *пометим*. – И он тяжело посмотрел на Андрея – так, что подбитый глаз сильно заныл.

– Пока, девочки, – бросил светловолосый, закрывая за собой дверь. Наверное, именно из-за последней фразы Андрей и остался.

Он лежал в кровати, пытаясь забыть о заплывающем на глазу синяке, побороть в себе жгучую обиду и одновременно доморощенную храбрость (да надо было вскочить и размазать этих ублюдков по исписанной стенке), – после драки кулаками не машут. Но именно тогда в нем что-то заиграло. Андрей не мог понять, что это. Упрямство, перемешанное с чем-то, что твердило мозгу: «Я не девочка, далеко не девочка». И он не поддался желанию смазать лыжи и улететь подальше от пьяных ублюдков с третьего курса.

День удалось легко преодолеть. Но самое страшное наступило на следующий вечер. Андрей валялся один в комнате, боясь включить свет, сходить в туалет, просто скрипнуть кроватью. Все шаги, грохочущие по длинному коридору, он воспринимал как второе пришествие старшекурсников и напряженно превращался в слух. Когда шаги исчезали в какой-нибудь комнате или удалялись, он выдыхал, чувствуя высокое напряжение. К нему тогда, наверное, можно было подключить лампочку и осветить комнату.

Он уснул не раздеваясь, и опять удары в дверь и грубые голоса разбудили его среди ночи. Андрей почувствовал, как сердце опустилось к ногам, и замер, точно кролик в силках. Страх завладел всем сознанием. Кроме страха, ничего больше не существовало. Но страх разрывал его надвое. Одна половина хотела отпереть дверь, чтобы все это поскорее закончилось. Вторая упрямо твердила, что они не знают, что он здесь. «*Ты вел себя правильно, никуда не показываясь. Пусть думают, что все уехали*». И вторая половина победила. «*Ты представилась спящим, если они все-таки ворвутся*». И Андрей сладко растянулся на кровати, рассчитывая, что старшекурсники не услышат за дверью буханья его сердца.

– Умотали голубчики. – Андрей узнал голос белобрысого. – Ты не помнишь, я че, вчера такой страшный был?

– Фредди Крюгер, – ответил ему другой голос, с татарским акцентом, и грубо заржал. Затем их шаги проследовали по коридору и затихли.

Андрей облегченно и тяжело дышал, зарывшись в подушку. Только тогда он понял, какой ужас перенес: вся одежда пропиталась потом и прилипла к телу. Он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, так как мышцы ослабли, словно набитые ватой. Страх медленно ослаблял хватку, вынимал свои клыки из сердца. Андрей заметил по недостатку воздуха в легких, что почти не дышит, как будто боится, что пьяные студенты услышат за дверью его дыхание и вломятся, чтобы выбить чечетку ему на лице.

Вспомнив сейчас этот случай, Андрей понял, что это был самый жуткий и большой страх в его жизни, когда он полностью подчинился ему, позволил управлять собой. Страх господствовал в его голове, подавлял остальные мысли, как мощный звук на дискотеке заглушает слова.

Сейчас с ним было почти то же. Только маленькая доля сарказма оберегала Андрея от впадения в беспредельную панику. Наверное, так и должно быть – он все-таки стал взрослее. И в общаге прожил пять лет. Там он и набрался того, что заметил странный похититель, вдруг ставший доброжелательным, как Мэри Поппинс. Вот откуда скромная насмешливость – от злости. Нельзя прощать, если тебе ломают палец, даже если ты беспомощно барахтаешься между двумя крюками. Страх может победить только злость, которая кипит, отогревая то, что заморозил ужас. И когда ты видишь палец, который согнулся не туда, тут остается только выть от бессильной злости, пусть и густо приправленной страхом. Иначе нельзя. По-другому ты будешь бит.

Андрей понял это не в ту ночь, а значительно позже, когда замочил одного придурка, пнувшего ему под яйца. Пнувшего просто так, от нечего делать. Это до того возмутило Андрея, что он вдруг забыл все страхи, которые хранились в шкафу его сознания в удобных ящичках: «Страх придурков», «Страх бандитов», даже «Страх девчонок», – и считали, что помогают ему жить, высовываясь при каждом удобном случае.

Перед ним стояла небритая хмыляющаяся рожа. Несколько секунд назад она подошла к нему и развязано сказала:

– Что-то ты мне, парень, не нравишься.

– Чем? – стараясь избежать столкновения, терпеливо спросил Андрей.

– Слишком скорченный, – бросила рожа, и кроссовок «Найк» прилетел Андрею между ног.

Боль пронзила промежность и отозвалась в мозгу. Ноги Андрея подкосились, и он готов был грохнуть на землю, схватившись за яйца, которые только что приготовили всмятку. Но почему-то стиснул зубы и наполнился дикой ненавистью к отбросу общества перед ним.

«Врежь ему», – сразу же родилось в голове, перекрыв остальные мысли. И Андрей не раздумывая послушал совета и врезал снизу в жирный подбородок ничего не ожидающего гопника. Гоп от неожиданного отпора качнулся и грохнулся на задницу. В следующее мгновение злость направила тяжелый ботинок на толстой подошве в рожу парню, который задумал подняться. Голова того, как футбольный мяч от пинка, дернулась и врезалась в асфальт. Придурок стукнулся затылком и отключился. Он раскинул руки, точно призывал Андрея в свои объятия.

Андрей не мог представить раньше, насколько приятно зрелище поверженного противника и свершившейся мести. Иногда, когда жизнь особо доставала его, он запирался на ключ, включал погромче Bodyscount и молотил кулаками воздух, точно невидимого соперника. Это помогало спустить пары и завалиться на койку после получасовых упражнений, успокоиться и включить что-нибудь менее агрессивное.

Названия песен Bodyscount возбуждали в нем какое-то скрытое чувство, которому страстно хотелось подчиниться. «Кости дьявола», «Обряд ККК», «Мама должна умереть сегодня вечером», «Хозяева мести» – точно давали определение тому, что он чувствовал, но Андрей понял это, только когда дал по мозгам тому, кто испортил его настроение. Ему не хватало здоровой злости, чтобы противостоять современному миру, который стал похож на бесконечный триатлон и вечно испытывал его.

С тех пор злость заняла один из ящичков страха. Но у того оставалось еще довольно отделений в воображаемом шкафу, чтобы напоминать о себе по любому случаю.

Но то, что творилось сейчас, было странно. Словно выдвинулись одновременно два ящика с разными надписями: «Страх» и «Злость». Такого еще не было. Страх действительно должен был предупредить злость, что той лучше спрятаться на время. Ну а если сильнее злость, то она должна была перекрыть отдушину страха. Что-то одно. Но сейчас – два.

Андрей одновременно боялся своей беспомощности, хмурых, предвещающих только боль глаз водителя «жучки» и был на грани срыва, готовый, несмотря на разыгравшуюся осторожность, взорваться и обругать похитителя последними словами, может, врезать ему ногой, если удастся достать.

– А если главное – это ненависть и злость, а страх лишь случайный эпизод? – неожиданно для себя громко произнес Андрей и почувствовал, что страх бешеными волнами захлестывает его, нещадно ругая за детскую выходку. «Вот сейчас ты получишь ответ, – злорадно предупредил он. – Будем считать пальчики. Пока счет один-девять, но, думаю, скоро он изменится, круто изменится».

Человек напротив тоже удивился. Он уже перестал ждать ответа на свою реплику. Тем более *такого* ответа. Он вскинул на свою жертву удивленные глаза. Его лицо перестало быть каменным, будто он стащил искусно изготовленную маску.

– Не может быть, – ответил он спокойно, ничуть не изменив доброжелательному тону. – Страх естественен, самосохранение вечно, а ненависть – лишь случайно выработанный элемент в процессе эволюции человека. Поэтому твой страх сильнее твоей ненависти.

«Это взбесившийся профессор философии, – подумал Андрей. – Он ворует людей и читает им свои лекции. Интересно, потом выдается удостоверение, что курс прослушан?»

Но не успел он подумать об этом, как понял, что сейчас ему станет дурно. Страх повыпрыгивал из всех ящичков и устроил шабаш. «Сейчас меня вырвет», – пронеслось в голове.

Внутренности взбесились от того, что рука человека, десять минут назад сломавшая ему палец, двинулась. Одного этого хватило, чтобы забыть о ненависти и вспомнить о боли, которая выплыла из полузабытья и стала нудно ныть, как капризный ребенок. Глаза Андрея расширились от страшного предчувствия и следили за рукой, словно приклеились к ней взглядом. Рука водителя добралась до его груди, где обычно располагается нагрудный карман, и похлопала это место.

– Черт, – чуть не про себя произнес он. – Я ж без куртки. – И рука вернулась на спинку стула.

Водила, скорее всего, хотел просто закурить, а Андрей испугался этого, словно приближения смерти. «Ну что, теперь тебе понятно, кто главнее?» – прошептал тихонько страх, не сомневаясь в собственном превосходстве. Слова были похожи на шуршание змеи, отчего живот противно сжался, но кишки уже отпустило и блевать не хотелось.

III

– Знаешь что, – бросил похититель Андрею, – никуда не уходи.

«Юморист», – отозвался про себя Андрей и проследил взглядом, как мужчина встал и вытащил ужасающие шпингалеты. Затем его шаги, пару раз скрипнув за дверь, полезли вверх. Андрей лихорадочно соображал, что бы это значило. Пока в голову приходила лишь одна мысль: он в подвале. Откуда еще можно подниматься по скрипучей лестнице? Наверно, скрипучие лестницы есть не только в подвалах, твердил внутренний критик. Но *почему-то* Андрею казалось, что иначе быть не может. Он в подвале частного дома. И эта версия казалась правдоподобной.

Но почему?

И только сейчас Андрей осознал, что запах, который с самого начала был в комнате, очень знаком ему. Это холодный запах земли, долго лежащих овощей, засоленной в бочке капусты. Пусть ощущения и были очень слабы, но давали устойчивые ассоциации.

Бабушкин подвал. Темный, без единого лучика света. Там жил злобный карлик, который делал красное печенье из только что захороненных трупов. У него под кладбищем был целый печенье-завод. Он похищал маленьких детей и заставлял их работать на своем страшном производстве. Кого – пропускать трупы через мясорубку, кого – лепить печенье, кого – рыть туннели к новым могилам.

О существовании злобного карлика пятилетний Андрюша узнал от сестры. Оля была старше его на четыре года и однажды, когда мама с папой заночевали в гостях, весь вечер таинственным полупшепотом рассказывала ему истории. О черном пианино, из которого, когда на нем начинали играть, высовывалась рука с ножом и убивала играющего. О желтых шторах, которые ночью душили детей. О красном печенье, которое с удовольствием ел весь город, не догадываясь, из чего оно сделано.

А так как Андрюша не знал других мест, карлик поселился в подвале бабушкиного дома. И когда бабушка спускалась за картошкой или банкой соленых огурцов, оставляя люк открытым, Андрюша неотрывно с ужасом наблюдал, а не вылезет ли оттуда перекошенное лицо кар-

лика с крючковатым носом, который будет высматривать маленького мальчика, приехавшего на лето.

Как-то июльским днем Андрюша вместе с деревенскими ребятами играл в карты. Он уже закончил первый класс и считал себя совсем взрослым. Поэтому, когда они стали играть в дурака на желания, он первый был «за».

Сначала проиграл Костыка и с дерева громко прокричал «кукареку». Затем Наташке пришлось, стесняясь и отнекиваясь, чмокнуть всех в щеку. Потом снова проиграл Костыка и десять раз повторил: «Я дурак». Следующим заданием было залезть в подвал и принести чего-нибудь поесть.

Если бы это было первое задание, то Андрюша, скорее всего, отказался бы играть, хоть и чувствовал себя очень взрослым. Он еще помнил злобного карлика, подстерегающего в темноте подвала детей, чтобы утащить в пожизненное рабство. Но теперь отступать было некуда. Ребята все и так были старше его и больше не взяли бы малыша в игру. «Что, трусил?» – сказал бы Димка – самый старший. «Я ведь еще не проиграл», – подумал Андрюша, хватаясь за карты.

К нему пришли одни семерки и восьмерки, он с ходу забрал половину колоды и остался в дураках. «Ладно, – подумал мальчик, – я стащу яблоки из холодильника, и все». Но ватага устремилась за ним, и ударить в грязь лицом было никак нельзя. Ведь он уже не салажонок.

Бабушки дома не было.

– Вот, никто не помешает, – сказал Димка, открывая люк. Тот, словно пасть огромного животного, плотоядно приготовился схватить добычу. «Карлику никто не помешает», – обреченно решил Андрюша и сделал шаг. «Можешь отказаться!» – умоляюще закричало внутреннее «я». Но Андрюша взглянул для храбрости на Наташу, которая взволнованно следила за ним и губы которой, мягкие и чуть влажные, ощутил на своей щеке десять минут назад, и решительно шагнул в темноту. Уж лучше работать на карлика, чем видеть, как эти губы будут смеяться над ним.

Подвал встретил мальчика склизким холодом. Посередине июля там царилась осень. В нос сразу ударил запах земли, мышиного помета, кислый запах прошлогодней соленой капусты. Волнуясь, Андрюша даже забыл взять с собой зажженную свечку, как делала бабушка, и оказался в полумраке. Впереди слышались непонятные, пугающие шорохи. Они как будто приближались.

«Он крадется ко мне», – думал Андрюша, лихорадочно ощупывая ближайшие полки в надежде найти чего-нибудь съедобного и выскочить на свет. Он старался всмотреться в темноту и увидеть приближающуюся опасность, но глаза различали только контуры ближних предметов, больше ничего разглядеть не получалось.

Сердце сжалось, а руки все быстрее и суматошнее стали перебирать по полкам. Шорох послышался примерно в метре от мальчика, и в то же мгновение его рука наткнулась на стеклянную банку. Сжав ее так, что пальцам стало больно, Андрюша рванул вверх по ступеням. Можно сказать, он взлетел, не ступая на них, – таким это вознесение было скорым.

В руке оказалась литровая банка клубничного варенья. Тогда Андрюша почувствовал себя победителем, который обманул злобного карлика и добыл бесценное сокровище. Наградой стала улыбка Наташи и взволнованный вопрос:

– Ты почему такой бледный?

– Холодно там. Угощайтесь, – небрежно бросил он в ответ.

Но хотя Андрюша старался держать марку человека бывалого, он надолго запомнил запах темного подвала с шорохами подкрадывающегося карлика. И еще пару лет, пока он не вырос и не перестал верить в сказки, злобный карлик осторожно подбирался к нему во сне и пах кислой капустой и подгнившим картофелем.

Совсем как сейчас. Только теперь карлик не боится света и немного подрос. Да и ворует не только детей. Возможно, он расширил свое предприятие и уже не может обойтись только детским трудом.

Чу! Вниз спускались тяжелые ноги и громко скрипели ступеньками. А вырваться и убежать мешали крепкие веревки.

Карлики стали продуманными.

IV

«Стой! Иди ко мне. Иди сейчас...»

Дима Маликов пел старый хит. Он звучал приглушенно, словно певца обложили подушками.

Отличное музыкальное сопровождение для кошмара. А вот и диджей пожаловал.

В комнату к Андрею, чуть сутулясь, вошел его похититель. В руке он держал сигарету, и комната тут же наполнилась противным дымом. Сигареты были дешевые – даже некурящий Андрей мог это определить. Он вспомнил, как утром, черт знает сколько времени назад, он думал, что сигарета поможет решить его проблемы. Какие же это были проблемы – смех на палочке. Глупая обида. Теперь же происходит что-то серьезное, и хоть ящик выкури – все равно будешь болтаться привязанным, как садомазохист во время любовных утех.

Шпингалеты снова шелкнули и, будто дистанционные переключатели, сменили играющую пластинку. Маликов заткнулся, и Селин Дион самоотверженно и заунывно затянула, что ее любовь будет длиться вечно. «Тоже мне, некрофилка», – подумал Андрей, вспомнив уходящего на дно Ди Каприо.

Закрыв дверь, похититель не спеша повернулся к своему пленнику.

«Диджей Ломаю Пальцы собственной персоной», – еще раз сбацила язвительная натура Андрея.

Возможно, мужчина, один из двух в комнате имеющий право ходить, заметил во взгляде второго пренебрежение к себе. А может, он просто зашел, зная, что будет делать. Теперь он не медлил. Он быстро пересек комнату и взял Андрея за правую руку.

Человек не собака. Чтобы у него выработать условные рефлексы, Павлову бы не понадобилась лаборатория. *Достаточно небольшой белой комнаты.* Не сознавая того, Андрей сжал пальцы в кулак. Теперь он, наверно, будет всегда бояться, когда посторонние люди потянутся к его руке. Мало ли чего.

Сломанный мизинец завыл, как волк, угодивший в капкан. Боль пронзила руку, пробежалась резкой поступью по мышцам и стрелой влетела в голову, прошивая мозги. Андрей громко охнул, и кулак расслабился.

– Вот так. Тихонечко, – спокойный голос прозвучал как гром. В следующий момент Андрей почувствовал, как безымянный палец оказался в объятиях сильной хватки.

Сердце судорожно сжалось. А затем словно лопнула натянутая струна с дзинькающим резким звуком. Андрей дернулся, как если бы через него пропустили разряд электрического тока. Боль зазвенела во всех уголках тела. Сердце ушло к животу. Андрей почувствовал, что оно оторвалось от мощных вен и артерий и ухнуло вниз скоростным лифтом. Палец взорвался каскадом вспышек, как будто незаметные маленькие подрывники устроили минное поле у его основания и друг за другом взрывали заряды. Острая боль ножом разрезала головной мозг, и, уже не в силах терпеть, даже не задумываясь над этим, Андрей громко заорал. Это был единственный способ не разлететься на кусочки.

Сердце нехотя вернулось на место. Боль свернулась змеиным клубком вокруг второго сломанного пальца. *Восемь-два.* Мы еще ведем, но преимущество тает.

Голова продолжала болеть, но теперь нож в ней затупился и уже не резал, а противно скоблил. Андрей медленно открыл глаза, которые захлопнулись, как только боль ворвалась

внутри. Он испугался, что она выдавит их и вырвется наружу. Андрей вновь посмотрел на свою руку. Безымянный палец загнулся к тыльной стороне ладони, как отщепенец от дружного коллектива единомышленников. Он уже был вторым отступником. Что ж, стоит одному из компании бежать, как и остальные быстро сматывают удочки.

Водитель «жучки» спокойно стоял над Андреем и дымил сигаретой, которая прилеплась к его губам. Он напоминал скульптора, который сделал несколько ударов по куску камня и теперь оценивал свою работу. Только он забыл, что человек отличается от камня тем, что чувствует, когда ему вырубают лишние места.

Заметив взгляд Андрея, похититель кивком пригласил его посмотреть на руку и зажал в своей большой ладони его средний палец. Андрей хотел зажмуриться в ожидании нового хруста и боли, но не смог. Его глаза, как замороженные, уставились на палец, который утонул в зловещем рукопожатии мужчины с сигаретой в зубах.

Это произошло в сотую долю секунды. Резкое движение. Громкий щелчок, будто кто-то невидимый сломал поблизости доску. Этот звук отозвался в ушах грохотом горного обвала. Сердце снова прилипло к желудку. Снова заточенный нож воткнулся в серое вещество внутри головы. Андрей взвыл жалобно и протяжно, как пес, который получил ощутимый удар сапогом. Глаза захлопнулись и вновь отрезали Андрея от мира. Его окружала только боль. Мысли сосредоточились на трех горевших пальцах, как будто могли потушить огонь.

Он явственно представил, как его пальцы, большие, как деревья, стоят посреди поля. Люди, казавшиеся крохотными, с ноготь, в белых халатах и колпаках, как у ку-клукс-клана, с зажженными факелами собираются устроить из них небольшой костерчик. Пальцы здорово занялись, как облитые бензином сухие дрова. Затем они превратились в горящие кресты, на одном из которых был распят сам Андрей. Пламя грубо подобралось к нему и жадно стало поедать его плоть. Кожа на теле начала пузыриться, словно краска на разогретом металле, и лопаться, обвисая жуткими лохмотьями. Волосы ярко вспыхнули и вмиг оказались съедены огнем. Боль уже охватила все существо Андрея, но пламя захотело деликатесной закуски. Оно подобралось к глазам.

Андрей зажмурился в надежде, что умрет раньше, чем глаза достанутся огню. Но пламя языком слизнуло веки и устремилось к радужной оболочке. Через секунду сначала левый, а за ним и правый глаз взорвались, как надувные шарик, наполненные водой и сброшенные с девятого этажа. Жидкость, не успев приземлиться, растворилась в бушующей жаре. После этого Андрей ничего не чувствовал.

Он провалился в обморок. *Спасительный обморок...*

V

Андрей словно шел в темноте по лабиринту. Но он знал путь. Делая один за другим крутые повороты, он не боялся заблудиться. Почему-то это казалось ему неважным. И если бы даже Ариадна дала ему, как Тесею, свою нить, он бы зашвырнул ее подальше. Там, в глубине лабиринта, был кто-то. Андрей даже смутно не мог представить кто. Но он не мучился вопросами, а просто шел.

Его словно кто-то вел, нет, скорее притягивал. Магнит. Дар. Сущность.

Он давно не чувствовал такого ошеломляющего спокойствия и уверенности в себе. Не было желаний, которые надо было подавлять. Внутренние противоречия отступили, как будто он обрел духовное единение. Основную цель. Тело его дышало ощущением приближения к чему-то важному.

Андрей шел не ускоряя шаг, ровно, как часы. Он точно знал, что цель дождетя его. Ноги ступали мягко, и он даже не слышал своих шагов.

С каждой секундой предвкушение росло. Андрей не обманывался, что вот оно, за этим поворотом, – нет, оно было еще далеко. Но значимость этого нарастала, как в тысячи раз замедленно накатывающая на берег волна, которая захватывает миллиметр за миллиметром покрытого песком берега.

Но что-то еще далеко...

VI

Андрей словно только что пробудился и тщетно пытался вспомнить, где он. Его вернула к реальности Селин Дион. Именно под эту песню ему переламывали пальцы. Что ж, это тоже запомнится на всю жизнь. Андрей в клипе канадской певицы и его пальцы, которые, как карандаши, шелкают и ломаются. *Если...* Тут одна мысль больно впиалась в измученные мозги.

«Если я не останусь здесь навсегда».

Его трясли. Андрей открыл глаза. *Почему эта мысль не пришла раньше? Почему он был уверен, что выйдет еще из этой комнаты?* Прямо перед ним оказалось лицо похитителя. Он смотрел прямо в глаза Андрею и нещадно тряс его голову обеими руками. *Вот сейчас этот жуткий тип с сигаретой, которая гадит мне прямо в нос, одним резким движением свернет мне шею. И конец всем помыслам, желаниям и неудачам.*

– Очнулся? – по-родительски нежно спросил водитель «копейки», и глаза его сверкнули нехорошим светом.

Андрей закашлялся от дыма сигареты и в то же время украдкой постарался рассмотреть своего мучителя. Все-таки первое, что обращало на себя внимание, были холодные серые глаза с большими мешками под ними. Это они создавали впечатление неживой безнадежности, которая исходила от этого человека. Лоб и кожу у губ прорезали тысячи глубоких морщинок. Нос был приплюснен, будто когда-то его крепко припечатали.

Похититель заметил, что его рассматривают, и сухие губы вытянулись в тонкую улыбку, больше похожую на *удавку*. Черт, слова в голове Андрея стали путаться – *усмешку*, конечно.

Водитель встал. До этого он сидел на корточках. Рука его потянулась к ремню. Там болтались – *почему Андрей не увидел их раньше?* – ножны. Из них торчала черная массивная ручка в форме извивающегося дракона. Ладонь обхватила сказочное животное, которое полностью утонуло в ней, оставив только сказочную голову с раздутыми ноздрями и большими глазами. А затем на свет из черных ножен вылезла блестящая – до рези в глазах – заточенная сталь.

Нож был огромный. Похож на армейский, из тех, что Андрей видел в фильмах про американских десантников. Плавные изгибы придавали ему хищный вид клыка плотоядного животного. *«Давай попробуем тебя на зуб»*, – усмехнулся клинок.

– Мне нравится, как ты кричишь, парень, – произнес человек с ножом, и усмешка криво изогнулась, ломая пропорции лица.

Теперь похититель стал похож на террориста из дешевого боевика, который не умеет играть, но пытается изобразить, какой он плохой. *«Жаль, что это не кино, а я не Брюс Уиллис»*, – беспросветно пошутила злая половина, пытаясь удержать своего хозяина на плаву. *«Плохо получается у тебя»*, – задрожала в ответ часть, отвечающая за страх.

– Что вы от меня хотите? – испуганно завопил Андрей. Блестящее лезвие мешало контролировать себя.

Похититель ответил, и сравнение его с киношным террористом полностью оправдало себя. Он говорил слишком громкими для нормального человека фразами:

– Я от тебя ничего не хочу. Я сам возьму все, что мне нужно.

Он провел острым зубом перед глазами Андрея, подтверждая полное свое превосходство.

– Это только ты все время что-то хочешь от меня.

Андрей все следил за хищным лезвием, не в силах оторваться, как охваченный азартом игрок наблюдает за шариком рулетки, который в одно мгновение может принести ему состояние. И этот блеск пробрался внутрь головы и мешал думать, словно блики солнца на экране телевизора. А к этому моменту накопилось много фактов, и стоило снова задать вопрос: «Что ему от меня нужно?» Но уже без истерики и лично себе. «Ну, что ты об этом, Андрей, думаешь?» Мыслей не было. Кроме: «...если я не останусь здесь навсегда».

Андрей не верил в озарения. Все это чушь – отгадка не может прийти из ниоткуда, как напугавший первых кинозрителей поезд братьев Люмьер, влетевший из стены на полотно экрана. Если бы яблоко упало на голову Моцарту, тот бы не придумал всемирный закон тяготения. Он, наверно, его бы просто съел и забыл. Яблоко послужило Ньютону катализатором для открытия закона, который тот уже знал внутри себя.

Поэтому то, что открылось Андрею, не было озарением. Он уже давно додумался до этой простой отгадки. Просто не хотел признаться себе. Боялся. Его яблоком стал большой нож, кинувший прямо в глаза яркий свет лампы с безнадежно острых кромок.

Это было *как* озарение. Молнией блеснула мысль, от которой все в Андрее погрузилось во мрак. Он знал, кто этот человек. И одно его имя рассказывало все, что ему нужно от Андрея. Все, что *он сам возьмет от него*. Это был даже не человек.

Имя его было *Зверь*.

Часть вторая

Зверь

Глава 5

I

Зверя знал весь город. Вернее, все в городе слышали о нем, но никто не догадывался, кто скрывается под этим зловещим именем. Потому что все, кто мог бы пролить свет на этот покрытый пугающим мраком вопрос, навсегда разучились говорить после встречи с ним. Они разучились делать и другие вещи: есть, пить, смотреть телевизор, чистить зубы, трахаться, общаться с друзьями, ходить на работу и в кино. Они навсегда заняли лежачее положение в подземной кровати, именуемой гробом. Они все были мертвы. Убиты. Жестоко убиты. Неимоверно жестоко.

II

Стилем жизни, который выбрали для себя Березники, была провинциальная дремота. Отработав тоскливый день на монстре-заводе, люди стремились закрыться в своих квартирах и лениво коротать вечер под мельтешение рекламы. Березники, как и любой другой средний город, имели свою киношку, театр, джаз-оркестр, пару ресторанов и дискотек. Но жители слабо реагировали на тусклые плакаты, призывающие их оторвать задницу от дивана и отметиться за границей своих жилищ. Они давным-давно разучились куда-либо выходить вечером и не обращали внимания на глупые самодеятельные попытки выманить их из дома.

Газеты были такие же скучные, как и сама жизнь. Если в городе ничего не происходит, откуда же взяться интересным статьям? Поэтому хит-парад читаемости всегда и с огромным отрывом возглавляла «Программа телевидения».

Это не устраивало Диму Стукова. Он всегда жаждал признания, славы, на шумевших репортажей. Когда старикашка из свердловского универа сказал ему: «Вы, молодой человек, не отчаивайтесь. Попробуйте поступить на следующий год», – он не отчаялся, он просто вскипел от злости. Его не приняли на единственный на Урале факультет журналистики – и теперь говорили: «Не отчаивайся. Попробуй на следующий год». Где? В армии? Выпускать стенгазету «Листок молодого бойца»? Чтобы не забриваться под ноль, Стуков перевел документы в Пермский университет на филологический. Если уж маяться дерьмом, то хоть поближе к дому.

Но, как оказалось, в Березниках можно работать в газете и с образованием филолога. Он устроился в новую газету «Березники вечерние», которая пыталась составить конкуренцию старожилу местной журналистики – «Березниковскому рабочему». И Дима с упорством взялся за дело, стараясь найти то, что могло бы заинтересовать инертных земляков. Он, конечно, пекся не об их интересах. Вырваться из этой тоски, работать в нормальной газете, заниматься настоящей журналистикой – вот о чем он мечтал. Дима думал, что, если станет звездой здесь, пермские и екатеринбургские газеты вполне могут захотеть увидеть его в штате своих сотрудников. Вот тогда он сможет доказать старичку, указавшему на дверь, как тот глубоко ошибся, когда закрыл ему простой путь к мечте и заставил добираться окольным.

На взгляд Стукова, единственное, что хоть чуть-чуть будоражило жителей спальных районов, кроме времени начала очередного сериала, был криминал. Обыватели любят читать

о том, кого и как убили или ограбили, и думать: «Ну, слава богу, не меня». И он так рвался в отдел уголовной хроники, что главный редактор не устоял, а Дима самодовольно подумал, что у него все-таки есть основные журналистские черты: настырность и пробиваемость.

Стуков первый заподозрил что-то неладное. У милиции всегда были свои штучки-дрючки. То они скрывают информацию, то предоставляют полнейшую чушь. Пресса для них только орудие добиваться своего. И Дима не возражал против этого. В конечном счете милиция для него тоже орудие, способное зашвырнуть его на орбиту журналистских звезд.

Обычно если менты вели игру, то это было ясно как божий день. Они, как малые дети, пытались скрыть то, что было известно всем, и даже не замечали этого. Но про всех Дима, конечно, загнул. Он имел в виду всех заинтересованных лиц. Если ему за пару лет удалось обзавестись каналами, поднимающими практически любые шторы, то почему бы этого не сделать всем тем, у кого была необходимость?

Так вот, об этом деле никто не распространялся. Милиция находила тела убитых людей и не давала в газету объявления об опознании. К тому времени, как делом заинтересовался Дима, было убито уже пять человек. Четверых, правда, удалось опознать, но одного так и закопали неизвестным.

Стуков побывал на одних похоронах, но так ничего и не увидел. Труп хоронили в закрытом гробу, как ребят, привезенных из Чечни. Родственники были обескуражены – им не показывали убитых, а личность устанавливали по зубам или фотографиям.

– Никаких комментариев, – говорили руководители правоохранительных органов в ответ на вопросы. – Совершенно убийство. Расследование ведется.

Все остальное покрывала тайна следствия.

Размышления, к чему такая секретность, наводили Стукова на страшные мысли. А в голове всплыл старикашка из Уральского госуниверситета. Это был реальный шанс. Дима боялся спугнуть, но это был тот шанс, которого он ждал. Что за убийства? Связаны ли они? Пока у Димы был только факт непонятной секретности во всех случаях. Если это что-то стоящее, то можно попасть и в общероссийские газеты. Запутьнуться на орбиту.

По городу уже шли разговоры. Пока это были неправдоподобные басни. Но если кто-то окажется проворнее... Стуков этого себе бы не простил.

У журналистов, как у оперативников, есть одна непреложная истина, являющаяся первоосновой их работы. *Всегда кто-нибудь что-нибудь видел.* Просто нужно найти этого человека, помочь вспомнить и сформулировать факты.

И Стуков принялся искать. В голове кружилось, что не он один может заниматься поиском решения. И это подстегивало Дмитрия. Но все было вхолостую. Тот, кто имел дело с пятью загадочными трупами, сам молчал, как покойник. Журналиста уже подмывало написать статью о том, как милиция странным образом скрывает информацию о ряде убийств. И не замешана ли здесь она сама или какие важные шишки? Но понял, что фактов маловато даже для провинциальной газетенки. Одна тайна следствия, как всегда, может все объяснить.

Беседуя с родственниками убитых, Стуков обнаружил еще одно сходство: все жертвы пропали, перед тем как их нашли мертвыми. Диапазон обнаружения трупа варьировался от нескольких суток до недели со дня пропажи. По опросам знакомых и родственников жертв, убитые не знали друг друга и не имели ничего общего. Студент, бизнесмен, инженер на заводе и воспитательница детского сада. Разных возрастов, без криминальных привычек, кроме разве что у местного нувориша. За что их могли убить? Как они все связаны? Информации не было. Как и ответов на вопросы.

Шли недели, а колокольчик в голове Димы тревожно звонил. Еще чуть-чуть – и кто-то защитится на этой теме.

Помог случай. Вернее, использование *возможности случая.*

Стуков заметил, что люди пропадали через неравное, но приблизительно одинаковое время – полтора-два месяца. Чтобы вогнать в землю пятерых, убийце (или убийцам) потребовалось почти шесть месяцев. Студент исчез 17 июля прошлого года, а воспитательница – перед Рождеством. Смекнув, Стуков решил, что к концу февраля уголовная хроника должна разжиться еще одним трупом, и надумал написать цикл статей о службе патрульных.

Ему могло бы не повезти. Не мог же он находиться с патрулем целыми сутками. Но, возможно, Дима обладал еще одним основным качеством журналиста – удачей.

Вечер был жутко темный и противный. Заканчивался последний день зимы, а казалось, что она еще в самом разгаре. Ветер взбесившимся волком бился о кузов патрульной машины и дико выл. Они медленно ехали вдоль главной улицы города, в районе ЦУМа. Рация была включена и выдавала немногословную переключку защитников спокойствия и порядка.

Стуков успел поговорить с милиционерами и теперь молчал, просто пытаясь ощутить милицейские будни. Похоже, что он ничего не добьется своей уловкой. Сегодня – последний день, когда он выходит на патрулирование, а ожидаемого трупа все нет. Надо хотя бы очерки приличные написать, чтобы неделя не пропала псу под хвост.

Они остановились на перекрестке, пережидая красный сигнал светофора, и в этот момент рация взорвалась:

– Третий, как слышите?

«Третьим» был экипаж со Стуковым на борту.

Сержант снял рацию и ответил:

– Я здесь.

– Где вы находитесь? – спросил диспетчер.

– Перекресток Пятилетки и Карла Маркса.

– У нас труп. Позвонила женщина из Политехнического института. Там во дворах. Улица Тельмана, 28.

– Рванули, ребята, – бросил сержант, и машина заметно ускорила.

Дима встрепенулся. Его план мог осуществиться. Если вначале он ставил двадцать к восьмидесяти, что ему удастся увидеть засекреченного покойника, а по мере катания с патрулем шансы понизились до одного к девяноста девяти, то теперь он мог выиграть суперприз и возможность оценивалась приблизительно пятьдесят на пятьдесят. А это уже что-то.

Район, куда они приехали, был наполовину частным сектором. Там господствовали двухэтажные домики с огороженными участками под посадки. На женщине, которая их встретила, не было лица. Она мелко дрожала, словно от сильного холода, хотя была одета в длинную, почти до пят, шубу.

– Где? – только и бросил сержант, ожидая такого же стремительного ответа. За два года работы с милицией Дима понял, что скорость – важнейшая составляющая раскрытия преступления.

– Т-там. – Женщина показала в сторону покосившегося забора и вдруг громко зарыдала.

Сержант больше ничего не спрашивал. Он быстрым шагом метнулся в сторону, куда показала женщина. Стуков устремился за ним.

У забора лежал обыкновенный мешок, в таких родители Димы перевозили картошку. С первого взгляда могло показаться, что и этот наполнен картофелем или свеклой. Ну ничем не примечательный мешок. Если бы не одно обстоятельство. Он был развязан. Само собой, из развязанного мешка что-нибудь да высыпается. Только то, что выкатилось из этого, мало напоминало свеклу. То, что выкатилось, очень напоминало *голову. Человеческую голову.*

Дима смотрел на нее не больше секунды, но успел рассмотреть. *Хорошо рассмотреть.* Он уже не забудет этой головы до самой смерти. И когда потом он просыпался ночью, после того как эта голова начинала разговаривать с ним во сне, он думал, что, наверное, раскрыть тайну

пяти секретных трупов было не очень хорошей идеей. «Совсем поганая идея», – подтверждала голова распухшим ртом.

Голова лежала на снегу, устремив вверх открытые глаза, словно только улеглась понаблюдать за звездным небом. Но даже если не замечать, что голова лежала одна, без тела, обрываясь раскуроченной шеей, из которой, как провода в кабеле, торчали жилы и кровеносные сосуды, то очень странным могло показаться отсутствие ушей, волос, которые исчезли вместе с кожей, и дырявые щеки, через которые были видны стиснутые зубы. Нос был приплюснен, будто по нему проехали катком, а от губ остались одни лохмотья. Это было ужасно, хотя, может быть, Дима и перенес бы все это. Но взгляд его приковал глаза.

Веки были прищиплены булавками к бровям так, что не могли закрыться. А глаза выражали необъятный ужас. Стуков подумал, что, если бы у головы были волосы, они бы стояли дыбом. В этих глазах были мольба, отчаяние, ожесточение, смирение и боль. Много боли. Целое море. Тихий океан боли и страха. Эти глаза были настолько выразительны, что перед Димой ярко вспыхнула картина последних минут жизни человека, которому принадлежала эта голова, и ему стало тошно.

Сержант взялся за мешок, и оттуда вывалилось ожерелье. Видно, оно уже готово было выпасть и просто немного зацепилось. Правда, такое ожерелье не подаришь своей девушке, если не хочешь, чтобы она упала в обморок, а после этого держалась от тебя подальше. Девушки не любят, когда им дарят отрубленные пальцы, аккуратно сшитые в бусы, готовые украсить декольтированную женскую грудь. Диме это тоже не понравилось. И, уже не в силах сдерживаться, он вернул свой ужин на снег прямо рядом с головой. Вот жареная картошка, вот куски сосиски, зеленый горошек. Аппетитное зрелище вкупе с изуродованной человеческой головой и прошитыми грубой ниткой человеческими пальцами.

III

– Это будет бомба. – Первое весеннее утро началось для Стукова с экспрессивного разговора с главным редактором. – Она взорвет весь город. Мне нужна первая полоса.

Главный редактор привык посвящать первые полосы проблемам городской жизни: от ремонта системы водоснабжения до коррупции в местной власти. По его мнению, убийство не тянуло на общегородской уровень.

– Даже убийство шести человек? – Дима не знал, возмущаться ему или смеяться над костными мозгами шефа.

– У тебя нет доказательств. – Конечно, главный мог защититься только подобным образом. Сразу ведь ясно, что у него, у Стукова, новость месяца, если не года вообще. Хватит переживать жвачку коммунальных проблем и невыплат пенсий.

– Вот и отлично. Мы расскажем о жестоком убийстве и намекнем о пяти остальных. Тогда милиции придется открыть карты. Лично вас не волнует собственная жизнь? Это посерьезней засоренных туалетов. Все равно же это будет главной новостью номера, если даже выйдет на второй странице.

Редактор сдался лишь после того, как Дима намекнул, что сходит к владельцу газеты и обсудит с ним падение тиража, незаметное, но регулярное, в течение последних двух лет. Дима не знал, но недавно босс уже беседовал с главным по этому же вопросу, и редактору не хотелось повторения разговора. В следующий раз тот мог быть в менее хорошем настроении. В конце концов, удачу всегда можно присвоить, а промах свалить на настырного желторотого птенца. Да что он смыслит в журналистике?

– Хорошо, первая полоса твоя. После обеда – материал.

– А в субботу – тема номера.

– Это уж мы посмотрим.

Через час телефон на столе Стукова зазвонил. Он как раз работал над убийственной статьей, которая должна была разнести вдребезги провинциальную скуку.

– Говорит капитан милиции Власов.

– А, Виктор Анатольевич, доброе утро!

Дима узнал работника органов, отвечающего за связи с общественностью. Через него шел основной поток легальной информации. В принципе, Власов был единственным, через кого разрешалось добывать криминальные новости. Так что вся остальная информация была полулегальная. Совсем нелегальной же Стуков побаивался пользоваться, хотя имел возможность получить доступ и к ней.

– Дима, знаешь что... – Власов начал не совсем решительно и как-то несвойственно для него деликатно. – Ты мог бы не распространяться о том, что увидел на улице Тельмана? О мешке с трупом.

– Почему? – спросил Стуков, ни на минуту не желая отказываться от намеченного.

– Это может помешать следствию. – Однообразный ответ, хоть бы что-нибудь новенькое придумали.

– А если я отвечу «нет»?

– Для начала ты потеряешь возможность работать с нами. Вообще ваша газета. Представляешь, насколько упадет ваш тираж? А во-вторых, уголовное дело против тебя за разглашение тайны следствия.

– Ну, второе – ерунда, я не давал никаких подписок. А первое, конечно, серьезно. Но я думаю, мы проживем. Давно пора придумать что-нибудь поинтересней уголовной хроники для привлечения читателей. Нет, капитан, не проходит ваша просьба. Скажите лучше, зачем вам эта секретность?

Тут до Димы дошло, что этот труп точно шестой. Вся та же непонятная скрытность.

– Давайте лучше играть в открытую. Я постараюсь сгладить скандал от укрытия подробностей первых пяти убийств, а вы меня просветите. Это что, мафия? Или маньяк-одиночка? Открывайтесь – и мы прогремим на весь Союз.

– Союза, Стуков, давно нет. Да и греметь нам нет охоты. Ты не подскажешь телефон главного редактора?

– Поищите сами. – Дмитрий кинул трубку и понесся к главному, чтобы убедить того не отступать.

Шеф запутался, как маленький ребенок, которому дают новую игрушку, но только в обмен на старую.

– Да пускай засунут себе эту хронику, я вам получше устрою этих сухих сообщений. Связи, слава богу, за два года наладил. Как вы смотрите на еженедельную страничку «Криминал»? Факты, домыслы, комментарии, выводы о самых шумевших преступлениях недели. Да и не смогут они без нашей газеты жить. Куда им направиться? В «Березниковский рабочий»? Аудитория не та. Милиции надо светиться. Потом пара статей о том, что я знаю, – и они сами прибегут к нам умолять не писать того или другого и свою помощь предлагать.

Идеи сыпались из Дмитрия, переливаясь из одной в другую почти незаметно. Но главный редактор ухватил суть: пресса сильнее милиции. Она зависит от читателя, а не от капитана Власова. И на поводу следует идти у подписчиков, которые голосуют рублем. С милицией стоит только считаться. Не более.

И статья вышла.

IV

Город разорвало, как атомной бомбой. Словно медведь забрался в улей. Как будто метеорит ухнул в стоячее болото.

Убийство. Зверское убийство. Отрубленная голова. Пальцы, собранные в гирлянду. И намек еще на пять. Серийный убийца. Маньяк. До сих пор подобная жуть оставалась только на видеокассетах с американскими фильмами. Впрочем, ничего не было ясно. Намек – это только намек, но город стал полниться слухами. Пошли разговоры о каннибалах, о человеческом мясе, продаваемом на рынке, об организованной преступности.

Дима попытался в статье не очень нападать на доблестную милицию, мотивируя привешенной тайной следствия, и подбросил мысль о пресс-конференции по этому вопросу. У органов было полгода свободы и секретов – теперь мы хотим знать правду.

Милиции не удалось увильнуть. Мэр города основательно струхнул как за своих близких, так и за свое место. Конференцию организовали на следующей же неделе. Воистину, чудеса творит демократия, подумал Дима, особенно когда никто не хочет умирать. Ведущую газету города на встречу нельзя было не пустить.

– Как ты думаешь, кто будет представлять наше издание? – самодовольно спросил Дима у подружки.

Пресс-конференция уложилась в час. Милиции в целом нечего было рассказать. Одни предположения. Но они подтвердили догадки Стукова. Все шесть убийств связаны одним почерком. Разрубленные тела в мешке. Следы жестоких пыток. Найденные отпечатки пальцев принадлежат одному человеку. Нет, в картотеке таких отпечатков нет. Серийный убийца? Да, скорее всего. Впрочем, тела ограблены, хотя только у одного из убитых, по опросам, были при себе ценные вещи.

Маньяк-убийца! Вот это да! Тираж газеты, где был напечатан отчет о пресс-конференции, не взлетел, но заметно увеличился. Сорок процентов в городе, где люди привыкли, что из газет никаких новостей не узнать, – это победа. Субботняя тема недели была отдана Диме. В городе он взмыл вверх. Теперь нужна суперстатья. С ней можно штурмовать если не Москву (там маньяки приелись, как курс доллара), то Пермь и Екатеринбург точно.

Оставалось только придумать прозвище маньяку. Над этим Стуков ломал голову весь вечер. Он рождал идеи и тут же отметал их. С этим убийцей он начнет свою карьеру и должен обозвать его просто, жестоко... От этого прозвища по спине должны бежать мурашки. А в голову приходила полнейшая чушь. Березниковский упырь или Расчленитель. «Еще назови то, что ты видел на улице Тельмана, „Березниковская резня бензопилой“», – подтрунивал он сам над собой.

Он вспоминал пальцы, бесшумно выпавшие на снег из зловещего мешка. Дыры в щеках такие, что голове можно было есть, не открывая рта. Глаза, неспособные закрыться из-за удерживающих английских булавок. Воспоминание поднимало волну тошноты, так что Дмитрий перебрался в туалет – так, на всякий случай. Нет, человек не мог сделать такого. Эту голову обглодал голодный зверь. «Зверское убийство» – всплыл в голове его собственный заголовок первой статьи о мешке с трупом. И словно кто-то ударил Диму по голове. Бум! Тяжелым молотком. Конечно! **ЗВЕРЬ**. Вот кто этот загадочный убийца. Он не заслуживает называться человеком. Не быть ему Джеком-потрошителем, чтобы потом о нем складывали легенды и воспевали в панковских песнях. Ничего личного. Никаких Фредди Крюгеров. **ЗВЕРЬ**. Беспощадный, хитрый, безумный. Все эти эпитеты подходят дикому животному. Они подходят и этому нечеловеку.

В Диме на секунду проснулась совесть. Он сам поднимал из пустоты этого кровавого монстра. Может, тот и добивается известности через все эти трупы? Но ощущение неправильности действий тут же прошло. Такова его работа. Журналистская работа. Не плакать же. Что ж, теперь мы с животным составляем тандем и поведем друг друга к славе. Главное – уцепиться за этого ублюдка и выжать *свою*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.